

Светлана Юрковская

**ОРУЖИЕ ДРЕВНИХ.
КНИГА ПЕРВАЯ:
РИЧКОН**

Светлана Ивановна Юрковская

Оружие древних.

Книга первая: Ричкон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42657388

SelfPub; 2019

Аннотация

В глухую деревушку, укрывшуюся среди непроходимых лесов и высоких гор, приходят трое чужеземцев. Однако, это не те, кого так ждет народ на помощь погибающей природе. Вскоре после появления новеньких начинается череда странных и во многом пугающих событий. Кто-то считает, что виной всему чужаки. Другие же находят их чудесными людьми. А третьи вспоминают, что беды начались задолго до прихода странной троицы. Что же происходит на самом деле? В этом предстоит разобраться новым односельчанам. В оформлении обложки использован один из моих рисунков "В тени от Прямой дороги", С.И.Юрковская

Содержание

Глава 1. Конец бегам	5
Глава 2. В деревне Ричкон	39
Глава 3. История Муны	70
Глава 4. Военно-историческая кафедра	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

– Забудешь, забудешь, – ухала старая склочная сова.

– Да как же забуду, бабушка, мне уже пять, мама говорит, не забывают в этом возрасте...

– Указаний матери не забывают, а сны выветриваются.

– Так не сон же!

– Это сейчас не сон, а потом сном казаться будет.

– Говорите, что хотите, но я не забуду. Жаль, что больше не увидимся, но я о вас все-все-все помнить стану.

– Это ты делай, как знаешь, только одно важно сохранить, – заговорщицки проохала совунья, – старший – твой, хоть и не по сердцу придется. Не натвори ничего.

– Да что ж я натворю! Я знаю, как правильно... А для чего? Вы мне так и не рассказали, – ахнула девочка.

– Не творит она! Характер у тебя, милая, весьма взбалмошный. Порку бы тебе, да мать твоя добра шибко. А не знаешь, так не время еще.

– Но если мы не свидимся больше, как же я узнаю?

– Сама, и люди помогут. Будь ближе к людям, они всегда помогают, даже таким строптивым.

– Я не строптивая, – надув губы, обиделась малышка.

Но сова уже снялась с ветки, охнула благословение, коснулась крылом головы девочки и тяжело улетела прочь.

Глава 1. Конец бегам

– Зурван – Дракон Времени похитил прекрасную Милейну¹ и заточил ее в стенах своего замка сомнений. Как не рвалась Она на волю, не билась о толстые решетки башенных окон, сколько хитростей не придумывала, все было тщетно. Уж очень полюбились дракону девушка, крепко держал ее в своих могучих лапах, зорко следил зрением своим всепроникающим.

Прошло немало времени, прежде чем родились у них дети. Дочь старшая – Тоска Всеобъемлющая. Сын средний – Безумие. И близнецы – Жизнь и Смерть.

С тех пор никто Милейны не видел. Миром овладели дети Её и отца Времени. Говорят, кто отыщет и вызволит невольницу, навсегда изменит мир...

– Не изменит, а уничтожит! – вмешалась выскочка Ларси.

– Ларси! – зашикали остальные.

– Да-да, конечно, уничтожит, – исправилась бабушка, – Но, ведь, если изменить привычный порядок вещей, можно сказать, что он уничтожен. Но на самом деле...

– Мама! Достаточно на сегодня, им спать пора. Завтра вставать рано.

– Но мааам, так интересно, пусть бабушка еще что-нибудь

---

¹ הַמִּלֵּינָה (др.далит) – свобода.

расскажет.

– Завтра... будет завтра. А сейчас всем спать! Живо! Все нехотя заворочались на своих кроватях.

– Мама, ну сколько раз, я просила тебя не рассказывать им то, что не принесет им счастья. Если они начнут думать! Даже страшно себе представить!!! Ты намного счастливее стала от того, что что-то знала, что-то додумать могла, понять. Меня так воспитала! Не надо! Мы ничего изменить не можем. Пусть они будут счастливы так, как им уже известно, – женщина тяжело вздохнула и села, уставившись на огарок, уже утонувший в подсвечнике.

– Прости дорогая... Ты, конечно, права... Мне очень трудно сдерживаться. Этот огонь внутри. Мне уже столько лет, а я до сих пор чувствую так, как в юности.

– Ну и что ж ты в свои пятнадцать ничего не делала? – вспыхнула дочь. – Огонь, огонь! Так надо было идти сие удовольствием. Нет, ты просидела на попе ровно, прошла свою жизнь по расписанному для тебя сценарию! А им прививаешь этот свой огонь! Не стоит! Я не переживаю за Ларси – дитя своего времени. У нее все хорошо будет. Ты посмотри на Мишель! Она как помешанная ждет вечера, чтобы услышать твои истории. И ее не интересуют обычные детские сказочки. Она хочет знать все! Знать правду! Которой мы с тобой, между прочим, и не знаем. Ничего не знаем. Мы можем только догадываться, домысливать... придумывать. Все! Ничего больше!

– Но ты же читала те книги! – попыталась защититься

мать.

– Книги?! Книги! Эти книги давно пора сжечь!

– Нет! Ты не посмеешь!

– Еще как посмею! Мы понятия не имеем, что это за литература. Зачем они передаются из поколения в поколение. Они запрещены. Опасны! Я не хочу своим детям проблем! – чуть не плача, переходя на более высокие тона, говорила Флоэнна – мать замечательных пятерых детей.

– Тише. Тише, – зашептала старая Ратима. Руки пожилой женщины тряслись, когда она набирала стакан воды из ушата. – Выпей, успокойся. Прошу тебя, не тронь книги. Они столько времени хранятся в чулане. Я больше не буду рассказывать эти истории, но не тронь книги.

– Хорошо. И ты пообещала больше не заводить своих песен. – твердо прошептала Флоэнна.

Когда две женщины разошлись по своим кроватям, маленькая тень скользнула в чулан.

***

– Эта Ларси – выскочка! Достала уже! – возмущалась Мишель своей сестре-двойняшке Сонетти.

– А чтоб ей не быть выскочкой! Как с картины, будущее у нее лучше, чем у тебя или меня. Выйдет замуж за красавчика Паугни... Будут жить в его огромном красивом доме. Работать она не будет, а если и будет, то ради удовольствия. Нарождает ему детишек... эх, красивеньких таких, как Паугни...

–Паугни, Паугни! Что вы все в нем нашли! Отвратительный, слащавый, любящий только свое отражение в... луже. Между прочим, не факт, что ей с ним хорошо будет. Ты же знаешь, что смешанные браки часто заканчиваются плачевно для женской половины. У нас хоть равные будут, никто тебя попрекать не станет, что ты не ровня.

– Да ты что! Что за вздор! Это запрещено. Все знают, что есть закон обязывающей одного ребенка из более успешной семьи брать в жены девушку или выходить замуж за парня из семьи, в которой дела идут не так хорошо.

–Да-да, «для всеобщего равенства и блага, и поднятия благосостояния каждого трудящегося», – процитировала Мишель.

–И что значит: "он ее попрекать не будет"? Будут они жить долго и счастливо... – уплыла в мечты Сонетти.

– Ага, как Пирка у Бура!

–Но, он ее с любовником застукал! Знаешь ли... Такое трудно стерпеть.

–Ты веришь?! А кто любовник? Почему ни один парень или муж чей из деревни не пострадал, ни к кому претензий не было. Скандалов? Даже синяков ни на ком не осталось! А ведь Кур крепкий. Даже очень!

–Ну..., не знаю. Старосте виднее.

–Ага! А сестра в доме Бода. Не знаю, как другие этого не замечают! Он же ее со света сжить хочет!

– Да нууу, скажешь тоже! Просто она в положении. У них

что-то не ладится. Хотя... если бы я была на месте нашей старшей сестры, я бы с удовольствием избавилась от такого муженька! А эта от него еще и понесла... Фу! Как с ним вообще в одной кровати спать можно, он же мерзкий! – девочка с презрением засунула два пальца в рот, показывая все свое отношение к данному индивиду.

– А ты синяки у нее на руках видела? – с искаженной от отвращения, при воспоминаниях о муже сестры, москвой спросила Мишель?

– Нееееет, – протянула Сонетти. – А почему она или ты маме не скажете?

– И что? И я думаю, мама знает. Я слышала, как они разговаривали, и мама плакала при этом.

– Но так же нельзя... есть же староста.

– Сколько трещать можно!!! Я спать хочу! – вмешалась Ларсен.

– Ц! Опять она!

–Ни одной спокойной даки²!

***

«Прямая» дорога воистину была просто чудом. Широкая, ровная, и, действительно, производила впечатление абсолютно прямой. Хотя, это было не так. Но ее плавные повороты оставались, практически, не заметны ни для путников, ни для повозок. Дорогу обрамлял густой древний лес. И в самую сильную жару, можно было двигаться по обочи-

---

² трт – минута (др.далит)

не, спасаясь прохладой, веющей из леса. А после полудня ловить тень от вековых высоких сосен и савелов с широкой кроной. Но, идущих, да и ездящих тут давно не было. И те, если и шли, то точно не диву даваться с масштаба и прямоты какой-то там дороги. Пусть и имевшей в давние времена славу торгового пути, по которому и днем и ночью тянулись вереницы разношерстного народу. Кого тут только не было! От мелкой преступной шушары до какого-нибудь королевского сынка, решившего повидать весь свет. Ну, поди, слышали сказки. А ночью, как красива была дорога ночью! Если взобраться на один из холмов, между которыми и пролегала дорога, то можно было видеть светлую полосу, уходящую от заката до рассвета. На нескольких холмах даже построили ночёвки, в надежде заработать, на желающих полюбоваться на такую красоту. Но, увы, романтики, с «прямой» дороги, встречались редко. Когда – никогда влюбленная пара заглянет... да и те, познакомились в пути, а прибудут в пункт назначения и разбегутся. Все останавливались на обочине. Где-то вдалеке лес резко заканчивался, переходя в безжизненную пустыню. Вид был восхитительный: между зелеными холмами в какой-то момент открывалась удивительная желтая картина совсем другого мира.

Таверны вдоль дороги и слова доброго не стоили, ну да ночку перебиться. Хотя многие ехали целыми караванами и спали просто по очереди. Времени вечно не хватало: ни у торговцев, ни у влюбленных, ни даже у всякого сбро-

да. Все торопились: сделать, выгадать, получить. Спешили жить. Так повелось. «На все свое время, глазом не успеешь моргнуть – прошло, а ты ничегошеньки не успел», – говорили старики молодым в назидание. И лозунг «спеши жить» стал девизом этого времени. Может, когда-нибудь все переменится, но об этом никто и не думал. Не было возможности остановиться и задуматься. Да что там "задуматься", остановиться на мгновение и посмотреть красоту, мир, людей, которые тебя окружали. Нет. Лишние мысли – это, знаете ли, проблема. Душевные терзания там всякие, так и заболеть можно. А болеть нельзя! Нет времени.

С такими не веселыми мыслями шагала по прямой дороге женщина лет двадцати пяти. Каштановые волосы выбивались из под капюшона. Холодные серые глаза смотрели куда-то вдаль. Некогда пухлые губы потрескались и сжались в прямую, безмолвную линию, лишенную радости и улыбки. Высокий лоб, четкие скулы и длинная шея выдавали в ней благородную кровь. Она шла с пятилетним мальчиком и младенцем на руках. За свою историю дорога повидала разное, и поэтому на женщину особого внимания никто б не обратил, но все же это было необычно. Красивая, высокая, словно породистая кобыла. Да с двумя малышами. Выглядела как нищенка, но с чувством собственного достоинства. Дорожный плащ из дешевой мешковины цвета пыли с широкими рукавами скрывал платье такого же цвета, но из дорогой прочной ткани. На спине на длинных ручках, болталось

саше из соломы. На ногах были неприметные серые туфли на вид ветхие и готовые вот-вот развалиться. Но мастера, шьющие для знати, сразу бы узнали кожу ролинга, очень прочную, почти вечную и мягкую в носке. Сейчас такое добро можно было встретить только при дворе. В общем, было в ней что-то не так. Но несколько встретившихся по пути человек, сразу же забыли о ней. У всех свои дела и заботы. Даже изголодавшиеся по женскому телу мужеподобные «капитаны дальнего плавания», как они изволили себя обозначить, после нескольких неудачных попыток пригласить «русалку» в свою «каюту», отстали, хотя сами не понимали почему. Никакие законы не были властны на этой дороге, а значит и наказания никто понести не мог.

Женщина шла уже пять суток, выдвинувшись из небольшой и мирной деревушки расположенной у истоков «Прямой» дороги. Ребенок на груди почти все время спал. Мальчуган с растрепанной светлой шевелюрой, большими зеленоватыми глазами, немного вздернутым носиком, сильно загоревшем на ярком летнем солнце лице, держал маму за руку и никогда не отпускал в пути. Для такого крохи держался стойко. И был шибко серьезным и взрослым. Дешевая рубашка с длинными рукавами, подпоясанная веревкой, на манер всех деревенских мальчишек, свисала почти как платье. Широкие удобные штаны спадали на обычные лапти, так, что часто попадали под ноги, и со временем протерлись и укоротились.

Шли молча. Жара была почти нестерпимая. Большое солнце жгло нещадно. Маленькое светило никогда не доставляло людям неудобства. Лишь добавляло немного холодного света. Но казалось, путники не замечают этого страшного неудобства. На ночь не останавливались. Не спали. Иногда женщина сворачивала с дороги в лес, она хорошо знала, где найти родник с чистой бодрящей водой. Что-то шептала над ним, и несколько минут эта странная компания отдыхала в тени леса. Потом шли дальше.

Если бы кто-нибудь следил за ними, то сразу все понял. Ведь не может человек, тем более ребенок, идти без усталости, несколько суток без еды и отдыха. Но женщина точно знала, что следить за ней некому, повозка со страшными мужиками обогнала их, поэтому опасений, встретиться вновь, не возникало.

Она посмотрела на холм, возвышавшийся впереди. Красивый. Выжженный солнцем, желтый, с подпалинами черно-серого цвета, с глубокими рвами потрескавшейся земли. Почему людям этот пейзаж не доставляет удовольствие. Почему все так любят зелень, морской берег, влажный лес, умеренные температуры. Неужели, они не видят красоту в степи или пустыне. Наверно, все слишком просто. Люди любят комфорт. А чувствовать себя хорошо под палящим солнцем степи или безжизненной пустыне – сложно. Вот все и бегут, спешат урвать свой кусок счастья. Перебраться поближе к морю, в лес, на берег речки. И некоторым это даже удается.

А потом начинаются новые проблемы, на речке – комары, на море ветра сильные, в лесу постоянная сырость... нет уюта нигде. И ведь невдомек, что его нет внутри. Был бы внутренний комфорт, спокойствие, можно было бы и пустыней наслаждаться...

«Хотя, много ли этого у меня. Сколько времен перебираюсь я из деревни в деревню, не даю своим детям вырасти. Постоянно боюсь. И вечно бегу. Бегу ради спасения детей. Если б не они, давно б сдалась. Люди цепляются за жизнь, за подобие жизни в надежде на чудо. Что однажды все каким-то невообразимым образом изменится. Как правило, ничего не меняется. Но они верят, живут. Почему же у меня, у такой сильной, мудрой, нет этой силы. Нет веры в чудо. Но ведь я иду, каждый день я продолжаю путь. Может, это и есть вера. Я же думаю о том, чем может быть полезна мне эта деревушка. Это прекрасное место, даже с человеческой точки зрения. Единственный ее недостаток, а для меня – огромный плюс, неудобное расположение в отношении торговли. Добираться трудно. Несколько столетий мечтала попасть сюда, но правительство было озадачено освоением этой местности, и всеми силами пытались проложить нормальное сообщение к деревне. Благо, верхушка власти меняется довольно быстро. И, в конце – концов, новый правитель оставил эту идею, и поселение осталось существовать вдали от торговых путей».

***

– Мам...

– Да, милый.

– Я тут слушал твои размышления... Прости...

– Ничего, – со вздохом подумала женщина, услышав мысли сына. – Сложно не пользоваться тем, что для тебя норма.

– Ты думала о чуде. Что люди верят в чудеса. То есть они точно знают, что волшебники, маги – это сказки, да еще и запретные. С каждым новым поколением все меньше тех, кто думает, что они вообще когда-то были. Программа Мориса Бессмертного поистине оказалась хороша, пережив всю его династию. Но при этом природа человека не изменилась. Люди по-прежнему чувствуют, мечтают, ждут. Просто называют это по-другому. А что если наши скитания можно прекратить, лишь показать, что чудо есть, было и будет, и что оно – благо.

– Ты о чем?

– Ну, преподнести им твой, мой и дар брата, как что-то само собой разумеющееся, но при этом окрасить в цвет того самого чуда, которое они так желают и боятся одновременно.

– Это может быть очень опасно. И я не понимаю, как это нам поможет.

– Твое долголетие. Мы переходим с места на место лишь потому, что ты не стареешь, а мы не растем. И можем вернуться, когда сменилось поколение, чтоб никто нас не вспомнил. Ну да такое редко было, мест много. Но было. Нужно дать людям что-то простое, но во что они поверят

всем сердцем. И к тебе будут относиться как к учителю.

– Ты предлагаешь создать магическое учение? Нас быстро разыщут и сожгут со всеми последователями.

– Нет, нужно как-то проще. Не привлекать внимания. Я не знаю. Но людей... Послушай!!! Их можно обучить, да это займет время, нужно понимать, что должно смениться поколение. На родителях уже можно поставить никуда³, они, скорей всего, не смогут преодолеть барьеры, в которых выросли, и на их детях, но совсем новое поколение можно растить в нужном русле. А потом, кто знает, может, мы с тобой не одни. К нам присоединяться такие же, и все вернется, как в те добрые времена.

– Фенлюнс! Вроде ж столько лет уже, а, правда, как ребенок. Чтобы сменилось два поколения нужно время. Для нас это немного. Для людей – жизнь. Не такая, конечно, длинная как в старые времена, но какая есть. И правители в этот период не дремлют. Программа продолжает жить. И неизвестно, сколько времени пройдет и пройдет ли, чтобы нашелся кто-то, кто изменит ход истории... Что? Нет-нет! Даже не смотри так! О Великий Эш⁴, Фенлюнс! Малыш! Давай не мы будем этими самими...

– Почему, мам? Тебя нравится наша жизнь? Тебе не надоело. Мы бегаем от самих себя по всему свету. Нам трудно. А людям! Они живут как скот, не знающий ничего.

---

³ נקודת – точка (др.далит). «Поставить никуда» – завершение процесса.

⁴ Великий Эш – покровитель волшебников Огненного двора.

– Ну, этот путь они сами выбрали. Они захотели равенства. Они добровольно отказались от свободы.

– Не они, а отец Мориса Бессмертного! Ведь все началось с него. Он задурманил головы людям. Он научил их ненависти против мудрейших и сильнейших. Он привил не любовь к прекрасному.

– О, да!!! Он был мастер своего дела!

– Ты же сама рассказывала. На твоих глазах все случилось. Как он воспитал сына – орудие преобразования. Он научил его всему. Одного человека! Одного! Который сумел перевернуть мир. А нас уже трое. Может, у тебя стезя такая, видеть, как меняется история. Тогда вы не смогли ничего сделать. Не ожидали, были застигнуты врасплох. Но сейчас, когда столько воды утекло,

неужели ты ничего не поняла. Не передумала тысячу вариантов развития тех событий. И не нашла верные решения?

– Конечно... Ты же знаешь. Я нашла все наши ошибки. Все было настолько просто, что казалось не похожим на правду.

– Мы идем в замечательное, практически отрезанное от всего мира место. Не идеально ли, чтобы начать вершить историю вновь? Тем более люди, которые там живут, не столь алчны, грязны духом. Они существуют за счет своей земли, воды, скота. Они ведут правильный образ жизни. Не пьют, не бранятся, из поколения в поколение растут крепкие, сильные, здоровые люди. С одним недостатком – мозги запудре-

ны. Может, пора им помочь очистить разум?

– Ох... не ожидала я такого. Это на тебя вода из источника «прозрения» так подействовала? Мне нужно подумать. Это опасно. И ладно для меня, но я же не переживу, если с вами что-то случится...

– Мам, хватит, простые смертные говорят: «Времени нет». Знаешь, они правы. У нас его нет. Сейчас дворцовые перевороты. Сколько это продлится – не известно. И новый повелитель, взошедший на престол, вряд ли первое время будет заниматься государственными делами. Пока он насладится всей прелестью своей вседозволенности – пройдет пару лет. Мы можем начать в это время. А там, кто его знает, может опять переворот... Они ж никак успокоиться не могут.

– На словах так легко. Но мне страшно.

– Я ж с тобой. И брат... и не пора ли мне дать немного подрасти. И ему? Надоело быть совсем немощным.

– Пожалуй, ты прав. Впереди будет источник «роста и изобилия», пути к нему тоже перекрыты для людей. Там я вас и подращу немного. Десять лет.

– Двадцать!!! Какие десять!

– Ты что!!! Все будут думать, что ты мой муж. Я так не могу!

– Ну и пусть, кому какое дело. У тебя будет защитник.

– Нет, ты – мой ребенок. Моя обязанность защищать тебя. Все.

– У людей, когда дети вырастают, они становятся защитниками родителей...

– Мы не простые люди. По их меркам – мы давно должны были рассыпаться в прах. Разве нет?

– Пятнадцать.

– Нет, максимум десять. Ты же знаешь, что в пятнадцать пора жениться.

– Ладно. Вот тебе и мать – волшебница. А все как у людей: нет-нет-нет.

– Не ворчи, ты же знаешь, что я права.

– Знаю. А брату – пять?

– Да. Почему ты все время его братом зовешь? У него есть имя.

– Угу, я и забыл. Этот сверток столько времени спит, и мне кажется, что это часть твоего платья.

– Фенлюнс!!!

– Все-все. ...его зовут Эги.

Троица свернула на одну из тропинок, уводящих в лес. Там Фелиция сошла с тропы и направилась по только ей известному маршруту. Через четверть часа мать с сыновьями были на месте. Тут из-под земли била еле видимая струйка чистой, искрящейся воды. Сделали привал. Фенлюнс лег на землю и припал губами к воде. Женщина поводила над ним руками, и мальчик на глазах стал расти. Не прошло и минуты, как рядом с Фелицией прыгал десятилетний мальчуган. Женщина зачерпнула немного воды ладошкой и напоила

младшего. Тот потянулся, сладко зевнул и стал пятилетним чудом. С такими же зеленоватыми глазами, как и у брата. А волосы матери – как плод созревшего каштана. Правда, это чудо как-то нехорошо взглянуло на женщину и сразу же потребовало поставить его на землю. Некоторое время маленький Эг потягивался, разминался, словно старичок после работы в поле. И так же, по стариковски, ворчал. Было забавно.

***

Дорога в деревню Ричкон начиналась слева от прямой дороги. Обычные, небольшие, дорожки, уводящие на холмы постоянных дворов, не привлекали особого внимания в отличие от этого резкого огромного поворота. Как уже было сказано выше, тогдашний правитель хотел проложить туда торговый путь, но вскоре это стало невозможным. Поэтому начало дороги было таким же величественным и грандиозным, как и сама «прямая» дорога. Правда, она после этого, как-то переставала быть прямой. Ну да желание одного правителя затмить другого – практически святое дело. Да и эстетов дорог вряд ли сыщешь. И, несмотря на ровную поверхность, ширину дороги, на которой свободно могли разъехаться две телеги, идти по ней было утомительно. Ни одного дерева с тех пор так и не выросло. Спасительной тени не предвиделось очень долго. Вот и еще одна причина, по которой люди не сворачивали сюда.

Прошло часа три, прежде чем искусственная дорога начала заканчиваться. Это было странно. Ее не бросили в од-

ночасье. Ее продолжали. Кусками. Она напоминала шахматную доску. Словно белые квадраты положили, а черные остались землей. Но там, где осталась земля – ничего не выросло. То была засохшая, мертвая поверхность. Все знают, что травинка всегда найдет брешь между камней и пробьётся к солнышку. А тут, места – сколько хочешь, но не пробились. Не захотели.

Женщина замедлила ход, внимательно всматриваясь в поверхность дороги. Она не видела чего-то особенного. И обычным, и волшебным зрением глаза не улавливали никаких аномалий.

– Это яд. Я не понимаю, что ты тут застряла? – раздраженно бросил пятилетний Эг.

Женщина поджала губы пуще прежнего. Младший, недавно подросший сын, оказался трудным ребенком. Умным, смышленным, замечательным, но жутко сварливым. И самое ужасное, она не могла прощупать его способности. В том, что они есть, сомнений не было, но уровень оставался загадкой. Фелицию это беспокоило. Она очень сильная волшебница, а не способность распознать силу противника, говорило лишь о превосходстве его. «Хотя, почему противника!!! Ужас, о своем ребенке так!» – она испугалась собственных мыслей.

Обычный яд...

– Это не обычный яд, – снова вставил младший, – и он даже не заговоренный. Тебе никогда не доводилось с таким

сталкиваться. Это что-то совершенно новое.

– Новое? Для дороги?

– Конечно, где-то ведь надо опробовать. Да и не думали ж строители, что придется бросить начатое. А так – была бы «вечная» дорога. Прямая и вечная. Хм, большинство правителей соревновались в строительствах замков, музеев. Издании законов для «блага» народа. А наши – в строительстве дорог. Ирин седьмой всевластный строитель «Прямой дороги». Наследник белого трона принц Савон строитель «Вечной дороги». Не забавно?

Филиция и Фенлюнс переглянулись.

– Что ты еще знаешь? И откуда о других правителях?

Фелиция была уверена, что с тех давних пор, как появился Эги, ей было не до подробных воспоминаний о книгах, ушедших в костры. Она, разумеется, рассказывала Фенлюсу историю, важные моменты, но не подробно. Да и ребенок, хоть и волшебный, проходил те же стадии, что и обычные дети. Детство должно быть в беспамятстве. Даже находясь в искусственном младенчестве, он не мог понимать, о чем думает или говорит мать.

– У меня есть табу: я не читаю ваших мыслей. Иногда, правда, я забываю ставить защиту от вашей трескотни, как сейчас, поэтому некоторые обрывки, а порой и целые «поэмы» залетают в мой мозг.

Фелиция почувствовала, как у нее взмокла спина. Продолжая шагать по пыльной тропе, она размышляла, стараясь

сделать свои мысли недоступными для своих же детей.

Ребенок, даже с силой, был необычным малым. Это напрягало. Как и все, выходящее за рамки привычного понимания.

– А про бывших правителей я прочитал в запрещенных книгах, – продолжал Эг. – Предвосхищая следующий вопрос, отвечаю: Я могу находить интересующую меня информацию в пространстве и, кажется, времени. Честно признаться – еще не пробовал, за ненадобностью, но абсолютно уверен – могу. Так вот, может, вам будет полезно, в деревне, куда мы идем, есть особые дома. В этих домах хранятся запрещенные книги. Жители домов – обычные люди со своими страхами и предубеждениями. Но в одном из домов женщины сохранили огонь в своих сердцах. Из дочерей могли бы выйти превосходные целительницы, волшебницы вряд ли, но природный дар, чутье и наитие – у них точно есть. У одной из них есть в зародышевом состоянии искусство волшебства. Но оно очень зыбко. Может исчезнуть в любую минуту. Я бы не стал питать надежды. Ну да вы – не я.

Фелиция впервые за все время пути остановилась просто так. Присела на корточки и внимательно посмотрела на своего младшего сына. Они не сходили с дороги, не прятались под тенью деревьев. Это были удивительные места. Странная дорога давно закончилась, и они шагали по узкой тропинке среди огромных острых камней. Женщина точно знала, что тут нет ни одной живой души, и никакой слежки быть не

может. Поэтому она позволила себе расслабиться, и, глядя в глаза все еще ее малышу, прямо спросила:

— Кто ты? Могу ли я считать тебя своим сыном, а Фенлюнс — своим братом? Будешь ли ты с нами заодно или пойдешь против?

— По крови, я, конечно, твой сын и его брат. — Эги выразительно посмотрел на Фенлюнса. — Что я такое, наверно, ты хотела спросить. Пока это загадка и для меня. Я себя ощущаю, как некую силу, заключенную в человеческое тело, дабы ограничить мои возможности. Однако, то ли так задумано, то ли случайно вышло, но способности так и лезут через край. Я даже не успеваю понять каждую, отследить, почувствовать, что еще открылось, что пришло. Пропускаю через себя и забываю. В нужную минуту они придут сами. И, я не с вами и не против. У меня свой путь. Пока я вижу, что мы вместе. Но чувствую — наступит момент, когда придется разлучиться. Деталей, сроков — не знаю. Я не всемогущ. Пока, — малыш улыбнулся странной улыбкой, и сердце Фелиции сжалось от отчаянья. Хотя она была и не простой женщиной, но потерять ребенка таким странным образом — было слишком. И, вроде, оболочка так похожа на нее — на маленькую Фелицию. И этот круглый носик, умные светлые глаза с огромными пушистыми ресницами, пухлые губы и ее кудряшки волос. Но ... «начинка» чужая. Как так вышло? Кто решил вложить в тело ее ребенка странную, пугающую ее силу. И должна ли была прийти душа ее ребенка, если да

– то где она теперь...

Что-то неожиданно более страшное, чем все то, что случилось до этого, ворвалось в жизнь. И как! В образе младшего сына. Он не просто ни человек, не просто ни волшебник – это... она не могла объяснить себе, что это за явление. Единственное, что она испытывала по отношению к своему малышу, своему, еще недавно любимому малышу – ужас. С ними рядом находилось нечто в образе милого мальчишки, а говорило некое наделенное неимоверной силой создание. То, что она сейчас чувствовала, и близко не походило на самое кошмарное, что она пережила – допрос при дворе белого трона. Там были очень опытные специалисты. И, к сожалению, волшебники тоже, перешедшие на сторону новой власти. И этот, милый ребенок, отдаленно напоминал ей тех монстров, которые устроили все это.

Филиция закрыла глаза. Отчаянье! Впору было стать обычной женщиной, зарыться в одеяло с головой и рыдать от бессилия. Но она собралась, в конце концов, хорошие способности и скверный характер не делают человека плохим. А одеяла пока не предвиделось.

– Послушай, скажи мне, пожалуйста, правду. Ты изначально должен был прийти в этот мир в теле моего ребенка...

– Зурван Великий! – перебил Эг, – Ты действительно подумала, что я какой-то там черный дух, выгнавший душу из твоего младенца?! Нет-нет и нет. Я твой сын. В этой жизни – я навсегда буду твоим ребенком. Просто, я не могу им

быть. Не могу играть. И незачем. Мы идем, вы идете, я уйду, я сейчас это очень отчетливо вижу. Предстоит нечто очень важное... А вместе мы будем менять историю мира. Если вы думали, что пройдет как-то легко, то наивность волшебников, считающих себя добрыми – меня убивает и раздражает. Вы должны понимать, что народ – это огромное стадо. Что вложишь, что взрастишь в их ограниченных мозгах, ради этого они как скот пойду на плаху. Прольются такие реки крови. Что ты даже в запрещенных книгах не прочтешь. Из тени времен выйдут монстры, с которыми справятся только другие монстры, вызванные страшными злыми колдунами. Да-да... они тоже будут нужны. Работа, которой вы хотели заняться, скорей всего – не на пару человеческих поколений. Мне представляется, что мы успеем несколько раз сгинуть и вернуться в других обличьях и ипостасях. Проблема всего происходящего не в том, что когда-то устроил Морис. Все началось одновременно, но все были заняты политикой, а творящегося вокруг – не заметили. От вас даже ничего не прятали. Вы просто были так ошеломлены происходящим, что не увидели главного.

– Я не понимаю...

– Я пока тоже. Я хочу, пытаюсь, но это очень глубоко. Возможно, однажды доберусь до истины. Но пока не могу. Лишь смутные видения и вспышки странных сил. Выразить это словами, да и передать образами – не имеет смысла. Но, я абсолютно уверен, что брат придумал все правильно, и де-

ло выгорит. Мы идем в правильное место. Тут начинать – самое то.

Он прикрыл глаза. Легкий теплый ветерок погладил мать и брата. Фелиция очень испугалась. Что ее такой умный, и такой безрассудный сын решил творить волшебство среди бела дня, без охранных заклинаний. Через мгновение все уже закончилось. Перед ними стоял высокий, красивый молодой мужчина. Ничем не похожий на погибшего отца детей. Пространство вокруг Филиции завибрировало, казалось, что земля уйдет из под ног самым натуральным образом. Что это?

– Только так тебе будет лучше воспринимать меня. Одно дело, слишком умный, пугающий ребенок, другое дело – мудрый брат. Ты же не против, если я стану тебе братом? Сыном, чисто физически, невозможно. Если ты не волшебница, – он подмигнул матери, – а мужем, ну «фу вообще», так ведь?

– Но ты должен быть женат... возраст...

– А я вдовец, самой прекрасной женщины на свете, умершей при родах. И пока еще не встретивший равноценную замену. Кстати, мне думается, что желание брата быть более взрослым имеет право на исполнение.

– Но он должен жениться. Это не входит в наши планы...

– Какие планы? Ваши планы – вырастить новое свободное от рабства поколение. Своих детей гораздо легче учить, тем более, таким образом, мы можем пополнить популяцию

волшебников, сейчас это основная задача. Поэтому, МАМА, готовься, скоро ты будешь нянчиться с внуками.

– Но найти спутницу – не так-то просто..., – начала Фелиция чисто по-женски.

– Я уже нашел. Какая разница на ком жениться. Главное – чтобы женщина была здорова и способна к многократному деторождению. Все. А если еще и с зачатками волшебства или хоть каких-то способностей – она бесценна. Ее нужно любить, пылинки сдувать и на руках носить. Она вырастит нам чудесную армию волшебников...

– Как-то все слишком быстро... и не так... и странно. Армию?!

– Мам, – вмешался Фенлюнс, – боюсь, что Эг прав. Нам нельзя тратить время. Чего ждать. О чем думать. Будем думать и планировать, когда будут расти дети. Я тоже так не хотел. Я надеялся найти себе волшебницу и прожить долгую и счастливую жизнь вместе... Но, у нас нет счастливой жизни. Убежать на острова Кирса-Лосэ⁵ и закрыть глаза на все происходящее в мире – я не способен.

– Наконец-то, – одобрил Эг, – и, если ты хочешь волшеб-

---

⁵ Острова Кирса-Лосэ-изначально это было мифическое место, куда после земной жизни, обретая вечную молодость и бессмертие отправлялись самые благородные маги и люди. Считалось, что в смерти все равны, и каждый имеет право на высшую награду. С падением Волшебного двора, многие сказки и легенды были переделаны под новый строй. Так, острова Кирса-Лосэ – стали реальными островам в Тихом море, где выстроили резиденцию Государя. Считалось, что только он достоин права находиться там и его приближенные, так как он работает больше всех в этом мире на всеобщее благо.

ницу, нам стоит поторопиться, чтобы девочка, которую я видел в деревне, не потеряла свой дар. Может, тебе удастся вырастить из нее чудесную волшебницу. Мам, подрасти его уже.

Фелиция вдруг поняла, что очень устала. Что ей нужен отдых. Слишком много свалилось на нее за эти несколько часов. Неожиданного. Она провела рукой над старшим сыном, и мальчишка подтянулся до своих желанных пятнадцати. Мать глянула на него и, махнув рукой, прибавила еще два года. У людей парень должен был жениться в пятнадцать, но если ему предстояло путешествие, он имел право оставаться холостым все время вне дома. Когда же он приходил в желанное место или возвращался, считался очень завидным женихом. Еще бы – путешественник, повидавший столько всего на своем пути. Не эти, сопливые подростки. Хотя девочки не имели права даже мечтать, так как все были расписаны с рождения, но всегда находились вдовушки, младшенькие, на которых не хватило мужа, или оставшиеся без суженого по разным причинам. Молодые люди из порядочных семей, конечно, всегда сообщали о своем намерении – вернуться или нет. Но были и такие, которые просто исчезали, и невеста не знала, чего ожидать. Четкого закона, по этому поводу, не было. Среди людей бытовало мнение, что она должна ждать пять лет. Если за пять лет жених не возвращался, девушка могла выйти замуж, если был тот, кто готов взять ее в жены. Но были случаи, когда женихи возвращались. Он не имели

права взять другую женщину. Только положенную по рождению. Тогда брак аннулировался. Детей делили пополам между бывшими супругами. А женщину возвращали мужчине. Как вы понимаете, нормальные люди просто так не сбегают, не предупредив, не дав вольную невесте, а потом не возвращаются спустя долгие годы. Такие мужья были страшным сном, рассказываемым по секрету в укромных уголках подружкам. Так как им доставались уже немолодые, рожавшие чужих детей женщины. Они всю злобу на этот мир выплескивали на нее и ее детей. В таких семьях несчастные случаи были обычным делом. Как насилие над молодыми дочерьями жены. Жаловаться было бесполезно. Все законы составлялись так, что как не крути, а во всем виноваты женщины. Если б мать дождалась, отказала всем желающим жениться на ней, все было бы хорошо. Да и с такими вопросами практически никогда не обращались. Плакали, кончали жизнь самоубийством, выходили замуж, а когда муж узнавал о неверности до брака, появлялась новая трагедия. Вот такое мрачное время.

Власть не обращала внимания на подобные инциденты. Они были столь редки, что не заслуживали дополнения в своде законов. Ведь чтобы обстоятельства сложились так, что некто был свободен и захотел жениться на немолодой барышне, прождавшей своего сбежавшего жениха пять лет, и не побояться последствий возвращения того... Из таких историй придумывали сказки, дополняли своими красками

и пугали подрастающих девочек. Да, с падением волшебного двора, сказки с хорошим концом остались в небытие. Большинство рассказывало о страшных, бытовых и весьма правдоподобных случаях, в назидание подрастающему поколению.

Так что, Фенлюнс автоматически становился завидным женихом. И мог позволить себе выбрать.

Однако брат предложил ему жениться на девочке с волшебными возможностями.

– Но ведь она должна кому-то принадлежать...

– На месте разберемся, – словно не слушая брата, бросил Эг.

Дорога между камней становилась все более неудобной, можно сказать, что ее и не было. Люди явно давно не ходили по ней. Следов почти не чувствовалось. Фелиция посмотрела волшебным зрением, и если и ошиблась, то максимум на несколько дней. Последний раз отсюда уходили чуть больше полугода назад. Это была небольшая группа молодых людей. Они шли звать

на помощь. В деревне что-то стряслось. Они были сильно обеспокоены и в тоже время приятно взволнованы, ребята еще никогда не выходили за пределы своего дома. А тут вскоре перед ними должен был предстать большой мир, в котором столько всего заманчивого. Волшебница потянулась дальше. Она увидела две другие группы, вышедшие несколькими месяцами раньше. Никто не вернулся – всех поглотил

большой мир. Кто-то прибил к одинокому каравану кочевников-торговцев, кто-то попал в шайки и отведал сладкой и опасной ночной жизни. Несколько парней добрались до дворца их превосходительства... кто там сейчас? Но из-за дворцовых переворотов судьба малой деревушки, экономически невыгодной государству, никого б и не волновала. Но ребята оказались порядочными. Их сердца переживали за родную землю. Они поступили на службу в надежде однажды вернуться домой при погонах и власти, и помочь односельчанам. Один из них даже отправил почтового голубя, с печальными известиями для жителей деревни. И освободил свою невесту по закону от томительного ожидания. Но, голубь не долетел. Самое прискорбное, что не долетел самую малость. Стояли очень жаркие дни, и птица просто погибла от обезвоживания. Именно этот отрезок пути: от «прямой дороги» до деревни, после начала строительства «вечной дороги» – остался без воды. Она просто ушла.

Фелиция глянула на младшего, тот что-то подобрал в пыли. Интересно, подумал ли он о том же, о чем и она. Эги кивнул. Женщина вздрогнула. Она была уверена, что он не лез ей в голову, она не чувствовала его присутствия. Он сдул пыль, развернул и протянул брату.

–Держи, поздравляю с женитьбой.

Фенлюнс взял сверток, хотя и так уже понял, что это. Но прочитал.

–...твой жених по закону Паугни, – закончил новоиспе-

ченный жених. — Отличный парень. Сейчас таких мало, у нее был бы прекрасный муж.

— У нее будет прекрасный муж, — равнодушно отозвался Эг. — Хотя ты прав — парень отличный. Если ему не сильно промоют мозги, можно продумать варианты с ним. Я уверен, он быстро поднимется на службе. А свои люди при дворе очень быгодились...

Казалось бы, Эги говорил все верно. Но Фелиция никак не могла прийти в себя. Ведь еще с утра у нее был маленький, чумазый мальчишка с шоколадными кудряшками. Сейчас рядом с ней шагал прекрасный мужчина, наделенный необычной силой, и говорил простые и правильные вещи. Даже для нее, повидавшей столько всего, это было трудно. До привала они больше не проронили ни слова.

Путь между камнями сменился на узкую дорожку, сильно поросшую травой, между величественными, высыхающими деревьями. Вид леса был печален. Он еще был зелен, много молодой поросли, но начало беды мог увидеть и простой человек. Он не высыхал как от засухи. Корни этих исполинов уходили далеко под землю, туда, где еще текли нетронутые реки. Он просто умирал. Из него уходила жизнь. Можно было встретить абсолютно зеленое и здоровое на первый взгляд дерево, но уже безжизненное. Фелиция не чувствовала волшбы, но поверить в случайность, неосторожность людскую, она не могла. Как сказал Эг, это было нечто им незнакомое. И в этом было бы неплохо разобраться.

Несколько дней путники шли по лесу. Им не нужно было всматриваться в тропинку, они прекрасно видели следы тех, кто когда-то проходил тут. К концу третьего дня тропинка вывела их на холм, такой же безжизненный, как и многое в лесу. С этого холма открывался прекрасный вид. Далеко внизу лежала деревенька, в лучах заходящего солнца она была просто сказочно красива. Ее должна была опоясывать полноводная река, но ее место занял заросший камышом ров. На противоположной стороне от наших путников возвышались величественные непроходимые горы, уходящие своими вершинами под облака, и скрывающие в небе свои снежные пики. Одна из горных рек падала шумным водопадом в чистое озеро у подножья. Это был последний источник воды в долине. И жители очень переживали, так как и водопад не был столь полноводным, как в прежние годы.

Путники решили сделать привал и обсудить дальнейшие действия.

Долго никто не решался нарушить тишину. Все смотрели на закат, и каждый думал о своем, любуясь пейзажем.

Когда последний лучик солнца спрятался за горами, началась беседа.

– Людям всегда интересно, кто к ним пожаловал. Нужна легенда. Обычная и правдоподобная. Желательно, вызывающая отклики в душах.

– Значит, нужно сказать, что мы ушли из нашей деревни за тридевять земель из-за засухи. Им это ближе всего сейчас.

Государству сейчас не до простых людей. Помощи мы не дождались. Мама, как и некоторые женщины в деревне отправила двух сыновей с другими ребятами на поиски помощи, но не дождалась. Люди стали умирать. Колодец обмельчал совсем. Моя жена не смогла разродиться, а повитуха умерла неделей раньше. Было решено уходить, искать лучшей доли. Много где прошли. По разному везде люди живут. Но в одной деревне один старичок рассказал нам об этом удивительном месте, где много воды, где рыба сама прыгает в руки, где земля родит, словно заговоренная, ну, в смысле, просто родит. И мы решили, во чтобы-то ни стало, добраться сюда.

– Просто и складно. Но, как мы потом начнем продвигать наши способности.

– Да никак. Местные сами начнут. А мы им будем помогать. Мы же много повидали... А мама в юности работала при дворе белого трона фрейлиной в свите принцессы Незабудочной. И имела доступ к королевской библиотеке. А так как молодая, то глупая. Принцесса хотела узнать какую-нибудь страшную тайну. Мама, то есть сестра, была такая же. И вот они и нашли запрещенные книги. Начитались. А потом начались перевороты. Принцессу обвинили в желании возродить Волшебный Двор, а это на шумевшая история. Ее все знают, так же, как и то, что принцесса и ее сообщницы бежали, а не поймали только одну. Так что, мама, ты в бегах. И зовут тебя, если я ничего не путаю – Эрида.

– Может, и не знают...

– Попробую посмотреть.

Фелиция в очередной раз удивилась способностям сына. Он черпал информацию из воздуха. У него не было преград. Он мог легко узнать все, что необходимо. Почему же он говорит о долгих годах противостояния... о реках крови. С его способностями, это будет легкая шахматная партия. А потом пусть ступает своим путем, куда он там собрался. После того, как он из мальчика превратился в мужчину, Фелиция ощутила боль, как при потере ребенка. К этому рослому, крепкому мужчине у нее не было материнских чувств. Никаких родственных вообще, кроме чего-то очень странного. Казалось, будто она знает его так же давно, как себя. Если не раньше.

– Хорошо, а как я стареть буду? Рано или поздно мне придется состариться и умереть. В общем-то, я и сейчас должна выглядеть чуть старше, – Фелиция сосредоточилась и на ее лице появились более выраженные морщины, в чудесных каштановых волосах проглянула седина.

– О, так гораздо лучше и убедительнее! И, не хочу тебя расстраивать, сестра Эрида, но нам еще придется похоронить тебя. Без этого никак!

– Что? А потом что?

– А потом по ситуации, может, ребеночка кто подкинет. Может, девушка откуда-то прибежит... хотя это слишком. Но поживем, увидим.

–Какой ребеночек! Я так не умею, да и за лесами и горами!

Какая девушка! – захлебнулась Фелиция.

– Ма, шо ты нервничаешь! В твоём возрасте это вредно, – подразнил ее Эг.

Фенлюнс толкнул брата локтем в бок:

– Что-то это уже слишком!

– Она же не сейчас помирать собралась! – развеселился Эг. – Ты у нас будешь долгожительницей. Проживешь, лет семьдесят! Как тебе? Вот и людям полезно будет уяснить – кто изучает, тот дольше живет. Как ни крути, а желание жить дольше, лучше и сохранять привлекательность, чуть ли не базовая потребность всех людей. И в этом случае – им плевать на законы и власть. Ибо вечная жизнь – приманка более ценная, чем отсутствие наказаний свыше.

Фелиции это не понравилось. Но сейчас было не время и не место, что-то выяснять.

Обсудив все детали, примерно представив план дальнейших действий, странная компания начала спуск с холма.

–Стойте! – воскликнул Фенлюнс.

–Что случилось?

–Я больше не могу читать твои мысли. – обратился сын к матери.

–Это нормально. Дети всегда обладают большими способностями, а при взрослении часть из них теряют. Поэтому в прошлом, дети шли учиться в возрасте двенадцати лет, чтобы не было путаницы в их истинной принадлежности тому или иному волшебному двору.

–То есть, ребенок мог обладать способностями сразу к нескольким стихиям? А, взрослея, терял часть сил? – вскинул бровь Эг.

–Да, все так. Я тебе больше скажу. Многие, обладающие великолепнейшими возможностями, при достижении двенадцати лет теряли все свои способности, превращаясь в обычных людей.

–Какой кошмар! – искренне изумились парни.

–Ну почему же? – развела руками мать. – Такова природа силы.

–А подробнее? – не унимался Эг, которого новость, несмотря на всю его осведомленность и талант, ошарашила.

–Никто не знает. Маги долго бились над этой загадкой. Что только не проверяли, и наследственность, и концентрацию, колебание силы в разные периоды на разных местностях, и окружение, образ жизни семьи, но так и не нашли ответа. Посему решили: «такова природа силы»

Эг и Фенлюс глубоко задумались. Фелиция видела, как сыновья погрузились в себя, ища то, что исчезло у них с недавним взрослением.

С зарей начали спуск в деревню.

Глава 2. В деревне Ричкон

Поскольку в деревне ждали помощи с внешнего мира, то появление на горизонте незнакомцев вызвало радостное оживление и столпотворение. Когда же компания вошла на улицу, заполненную народом, то была поражена такой встречей. Они, конечно, предполагали, что их примут за посланников государства. И можно было даже принять такую роль, что многое бы упростило. Но это шло вразрез с целями. Тогда бы люди прониклись еще большим уважением и смирением перед существующим порядком вещей. А этот порядок нужно было искоренять.

К троице из толпы вышел, видимо, староста деревни с женой и дочерьми. Рослый крепкий мужчина с седыми волосами, высоким лбом, глазами цвета летнего неба, большим прямым носом и волевым подбородком. Ясный взгляд, морщины на лице оставили улыбка и строгость. Что всегда импонирует. Жена – женщина в возрасте, с озорными глазами, приятной улыбкой, которая, казалось не сходила с ее лица, красными щеками, обрамленными, выбившимися из под цветного платка, белыми прядями, встретила свежей водой и ароматным хлебом. Наши путники уже забыли, какова еда на вкус. И хлеб с водой показались им царскими угощениями. Хотя на самом деле, что вода, что хлеб были наивкуснейшими.

– Добрый день! Я – Ялли, староста деревни. Это моя жена – Сула, и мои дочери, и вся наша деревня. Мы рады гостям всегда. Любым и из разных уголков. Но поскольку беда постигла наш край, я спрошу сразу – вас прислали на помощь?

– И вам, добрый день, – начала Фелиция. – Меня зовут Эрида, это мой брат Эги, а это сын мой – Фенлюнс. Мы прекрасно знаем, что значит ждать помощи и не дожидаться ее. И мы сразу ответим вам, что, выходит, мы не те, кого вы ждете. Мы из далекой деревни, которую, как мы видим, постигла та же беда, что и вашу. Ушла вода. Мы долго ждали, отправляли на помощь наших мужчин. Так я лишилась и мужа, и старших сыновей. Младшего еле сдержала. Брат потерял жену на сносях. Не знаю, как удалось выжить нам, но терять было нечего. И мы ушли. Мы долго шли, ища помощи и дома. И в одной деревне, мудрец, прослышав про наше горе, подсказал искать вашу деревню. Сказал, что народ говаривал, будто реки полны воды и рыбы, земля родит сама, и нет бед и корыстей в ваших краях. А теперь видим, что от судьбы не уйдешь, что пришли туда, откуда недавно сами ушли. Но, может, вам повезет больше. И если позволите, останемся пока тут. Нет сил больше бродить. Фенлюнс вырос в дороге, ему семью пора, а мы все ищем лучшей доли. Может, польза от нас будет.

– Слова твои Эрида печальны для всех нас. Мы соболезуем вашим утратам. Мы тоже посылали на помощь, никто не вернулся, и весточек нет. И не знаем – дошли они, что

случилось. Матери места себе не находят. Да ты и сама, понимать, знаешь. Как я сказал, мы всегда рады гостям. Конечно, вы можете остаться. Дело каждому найдется. С жильем поможем. Несколько домов у нас пустуют. Еще со времен строительства «Вечной Дороги» ушли в поисках новой жизни несколько семей, да так и не воротились. Все сроки вышли. Дома, конечно, обветшали, но в умелых руках оживут, помолодеют.

– Спасибо вам, Ялли, и всем жителям деревни, – поклонилась Фелиция. – Когда мы шли к вам, Фенлюнс увидел в пыли останки почтового голубя. На лапке была записка. Мы принесли. Фенлюнс, дай старосте.

Парень протянул сверточек. Староста внимательно прочитал.

– Изэлла и Флоэнна, это для вас.

Мать Паугни бросилась к старосте и жадно вчиталась в ровные строчки письма.

– Жив..., – прошептала бедная женщина, – с моим сыном все хорошо.

– Паугни освободил Ларси от обязательства ждать. С этого момента Ларси свободна, если найдется свободный парень, желающий взять ее в жены, мы всегда можем обсудить это на собрании.

– А теперь расходимся. Я покажу жилье нашим новым односельчанам, остальные – наведайтесь к нам после обеда. Может, что по хозяйству помочь надо будет. Первое время

у нас поживут, – и, отдельно для Фелиции добавил, – а потом сразу к нам на завтрак. Поди, с дороги то устали, не ели нормально. За едой все и обсудим.

– Ой, благодарствуйте, староста! Не ели, отвыкли от вкуса нормальной домашней еды, – очень по-деревенски запричитала Фелиция. Сыновья только и переглянулись с еле заметными улыбками.

Дом, выделенный старостой, оказался подарком жизни. Да, он был печален, заброшен. По стене веранды пошла приличная трещина. Крыша покосилась. В нескольких местах были обнаружены следы протекания. Полы прогнили. Краска на всех выкрашенных поверхностях давно облупилась и потускнела. Но какой фундамент!!! Какие стены! Этот дом при надлежащем уходе простоит не один десяток лет, а то и пару сотен!!!

– Отличный дом! Большой, просторный! – восхитился Эг. – Как можно было бросить такое сокровище!

Староста явно остался доволен словами пришельца.

– У нас в деревне все дома такие, если уж строить что-то, то на века. Есть несколько домов поменьше. Но, если уж всерьез решите остаться, и да поможет нам государство наше справиться с бедой, и не придется бежать всем, разрастется ваша семья. Потребуется пристройка, а зачем, если пустует большой готовый дом. Правильно говорю, Фенлюнс, если не ошибаюсь?!

– Не ошибаетесь и правильно говорите, – по-простецки

заулыбался Фенлюнс.

Действительно, дома Ричкона поражали. Во всех деревнях, что встречались нашим путникам на пути, дома строили из дерева. Там, где не было леса, складывали саманные дома. А тут все из камней. Конечно, горы рядом, но выдолбить, вытесать столько блоков, задача та еще! Вдобавок, как выяснилось позже, изнутри дома после строительства сразу обмазывали какой-то особой глиной из тех же гор, с примесью сухой травы, но не сена, для утепления жилища.

— У вас есть каменоломня? — поинтересовался Эг.

— Была. Но заброшена. Мой дед еще ребенком помнит ее не работающей. Когда-то настроили дома, и забросили за ненадобностью. А потом все мальчишки там лазали из любопытства.

— А что, новых домов не строят больше? — удивился Фенлюнс.

— Из дерева. Из дерева-то оно и быстрее, и понятнее. Да и каменных дел мастеров у нас нет. Не сохранилось ремесло.

— Ясно. Ни в одной деревне не встречали такого чуда, все дерево, да саман. — поделился Фенлюнс.

— Так, горы ж, поди, не везде стоят.

— Не везде, — согласился парень.

— Фенлюнс, я привык прямо, поэтому сразу к сути. Девушек свободных твоего возраста у нас теперь много, есть и помладше, поди, подыщешь себе по душе, раз уж невесты по законы у тебя теперь нет, можно и повыбирать. Но сильно не

перебирай. У нас все хорошие.

– Да я тут подумал... раз уж я нашел письмо освобождающее некую барышню от ожидания законного жениха, может я с ней вначале познакомлюсь. Кто она?

– Хм..., интересная мысль. Достойная. Да маленькая она еще. Всего тринадцать. Два года ждать... Зачем оно тебе?!

– Да? – притворно расстроился парень.

– Ну да ладно. Давай за столом потолкуем и об этом тоже, – он развернулся к «брату и сестре», – ну, в общем, вы все видели. Если нужны работники – обращайтесь, ребята у нас хорошие, рукастые, помогут. С материалами тоже помогу, расскажу: где и что брать. Пока жить будете у нас, а завтра за работу. А теперь завтракать, моя Сула уже заждалась, наверно.

По дороге к дому старосты Фелиция все думала о том, какое хорошее начало положено их кампании. Дом был, конечно, хорош. Но..., что бесконечно порадовало женщину, так это сад. В нем росли прекрасные плодовые деревья. Она всегда любила деревья. Они давали ей силу и энергию, помогали думать и чувствовать себя единой с силами природы в те времена, когда внутри все разрывалось на части. И, конечно, опытный взгляд волшебницы, сразу же обнаружил несколько полезных растений в саду. Ими давно не занимались, оттого они сильно разрослись и одичали. Но от этого их сила приумножилась. Чистая, природная. У Фелиции перед глазами встала картинка, как некий малыш падает на дорожке и

разбивает себе колени. Ребенок ревет, колени в крови. Все кидаются за платочком и чистой водой. А она в это время оказывается рядом и просто прикладывает лист к коленкам малыша. Малыш тут же успокаивается, а ранки на глазах у всех затягиваются, и она, Фелиция, тут не при чем. Она хорошо играет, что удивлена не меньше других. И получается, что это все трава. Просто чудо трава. А там, на помощь придут старики, которым и промыли мозги еще в детстве, но в силу возраста они снова стали суеверными и бояться им уже нечего. И они будут просто разговаривать. Так начнутся чудеса и преобразование.

За этими мыслями Фелиция не заметила, как они пришли в дом к старосте.

Как и все дома в деревне, дом старосты был огорожен невысоким бревенчатым забором, все больше от скота и собак, нежели от людей. Под окнами, выходящими на улицу, был чудесный палисадник, а с обратной стороны дома – дивный сад. Этот был ухожен, просто вылизан. И в благодарность за это он плодоносил весь сезон огромными сладкими плодами. В цветнике Фелиция увидела очень опасный куст Чумачки Черной. Он, конечно, не имел в красоте равных, среди дикорастущих, а тут его еще, по всей вероятности, привили, холили и лелеяли, так он благоухал на весь двор своим дивным и не опасным ароматом. Но если эта гадость попадет в рот... Фелицию передернуло. Она хорошо помнила уроки растениеводства при Белом Дворе. Им тогда

«повезло» наблюдать лечение, отравившегося этим дивным растением. Было жуткое зрелище. И самое печальное, что до конца вылечиться невозможно. Это растение навсегда изменит состояние здоровья. Хорошо, что тут оно просто цвело и пахло. Вряд ли кто-то станет есть цветок с клумбы.

На пороге их встретила Сула. Приятная женщина, живая, активная, бодрая, веселая.

– Сколько ждать-то можно! – с шутивым упреком начала она. –

Еда-то стынет! И гостей голодом замучил.

– Ой, Сула, не начинай, – отмахнулся староста.

– Он у меня такой ворчливый, – шепнула Сула Фелиции.

Фелиция мило улыбнулась, проходя в просторную комнату, где был накрыт большой стол. За коим сидели дети и внуки. На красной, нарядной скатерти, с серебряным шитьем, стояли аппетитно пахнущие, деревенские яства. Стопка аппетитных еще парящих блинов, яичница с грибами, помидорами и разными травами, несколько овощных салатов, варенья, сметана, сливки, разлитые по плошкам. Кувшины с молоком, медом, компотом. Румяный хлеб. Сыры и мясо.

Заметив легкое стеснение, Сула объяснила:

– Да, семейство у нас большое, дружное. Так что вы не теряйтесь, проходите. Садитесь.

Потоптавшись немного на входе, пришельцы уселись на специально подготовленные места. За столом было шумно. Взрослые, конечно, переговаривались в полушёпота, но де-

ти резвились без стеснения. Девчата, раскрасневшись, с любопытством посматривали на новых добрых молодцев и тихонько хихикали, если кто из этих самых, добрых молодцев, посматривал на любопытных барышень. За столом было несколько беременных на разных сроках. Несколько людей почтенного возраста, шикающих на мелких, беззаботно прыгающую, скачущую вокруг стола, а то и под столом. Из-за всего этого гомон стоял приличный. Фелиция насчитала за столом двадцать трех человек без детей. Обычное деревенское семейство.

—В обычные дни у нас потише, народу поменьше, — пояснила Сула. — Ну а сегодня, сами понимаете, особый завтрак. Не каждый день к нам чужеземцы приходят. Так что, не пугайтесь, не смущайтесь, почувствуйте себя, как дома.

—Так, уселись все! — рявкнул староста. И словно по волшебству наступила тишина. Дети нашли свои места рядом с родителями, и уставились в тарелки.

—Так-то лучше, — одобрил Ялли. — Ребята, налейте вина гостям и себе, и давайте за знакомство. Сегодня необычный день, работа подождет. Сейчас трапеза, а после и о делах можно. Но за столом только о хорошем.

***

Несколько крепких парней, по всей вероятности, старшие сыновья семейства или зятя, разлили вина всем взрослым. Все подняли кружки, поприветствовали друг друга и выпили. Дальше началось знакомство со всей родней старосты,

параллельно вспоминая различные забавные случаи, связанные с членом семейства, о котором шла речь. И часто можно было услышать: «Ой, батюшка, ну не при гостях же!» «Матушка, хватит уже!»

Было весело. Все смеялись, что-то дополняли, громче всех вели себя дети, даже если не понимали, о чем шла речь, они усердно подхватывали общий хохот, стараясь пересмеять остальных.

—...и представляете, откуда и дурь-то такая взялась, вот говорит: «Буду волшебником и все тут, что хотите со мной делайте». Представляете, приснилось такое парню! Хорошо, что живем далеко, до властей не дошло, а так попрощались бы мы с нашим Барром.

—Батя, не стоило... — покраснел Барр.

На вид парню было лет шестнадцать. Скорей всего, ему и пятнадцати не было, так как был бы с женой. Крепкий, широкоплечий, красивый, да впрочем, как и все отпрыски старосты и Сулы. Правильные черты, светлые глаза. Но сейчас он съезжился до такой степени, что казалось, просто невозможным.

Фелиция с сыновьями беззаботно хохотали, обменявшись беззвучным «это интересно» друг с другом.

—А это Лукреция..., — замялся староста. Девушка была, наверно, на экваторе беременности. И выглядела неважно.

—У нее тяжелая беременность, — вставила Сула. — Не будем ее трогать.

—А что говорит повитуха? — поинтересовалась Фелиция.

—Ох, — вздохнула Сула, — повитухи у нас уже как три месяца нет...

—А как же роженицы? — удивилась гостя.

—Да все сами как-то. Ходим с Флоэнной помогаем, материю той девочки, которую освободили от ожидания. Дело то не хитрое, когда все просто. А тут... Вот еще и этим осложняется... — разговор явно был не застольный. И не при мужчинах.

Наступила тяжелая тишина.

Фелиция быстро сориентировалась и начала рассказывать смешные истории из вымышленного детства Фенлюнса и Эга. Народ смеялся, и неловкая пауза осталась позади.

— Ладно, позавтракали, — сказал староста. — Мы с гостями и старшими на веранду пойдем. Детям в школу. — староста обвел грозным взглядом малышню, что те посползали под стол.

На веранде гулял ветер, и приятно пахло сдобой, она была по соседству с кухней. Сейчас в печи поспевала выпечка. Посреди комнаты стоял большой круглый стол, добротный из качественной древесины. Эг провел рукой по столу

—Нравится? — спросил староста. Эг кивнул. — Сам делал, лет тридцать назад. Буквально в первый год нашей семейной жизни, — похвалился староста.

—Ну, рассаживайтесь. Сула, сделаешь чаю?

—Уже несу,— послышалось из кухни.

—В общем, с нашей семьей вы теперь знакомы. Вашу историю мы слышали. Подробности нынче ни к чему, это уж по случаю. Завтра с утра отправитесь с Барром в лес, — сказал братьям Ялли, — он в дереве хорошо разбирается. Выберете древесины на крышу и пол. Нынче с лесом беда какая-то... Вроде живое дерево, здоровое, а срубишь — в труху рассыпается. Так вот Барр умеет отличать здоровое дерево от порченного. Как закончите, вернетесь, я вам на помощь еще ребят пришлю. Спилите, и дома до ума доводить будете. Всем необходимым помогу, подскажу, научу. Не в первой. За месяц управитесь, я думаю. Парни у нас крепкие, рукастые, быстро все сообразите. Пока дом ремонтировать будете, у нас поживете. Не волнуйтесь — не стесните. Сами видели — семья большая, три человека плюс — незаметно будет. Ребята домом заниматься будут, а ты, Эрида, Суле по хозяйству поможешь. Познакомитесь поближе, жена тебе работу подыщет. Она у меня шустрая, умная.

—А вы, — обращаясь к парням, — пока к девушкам посмотритесь. У меня одна свободная, как вы помните. Про твою мысль помню, Фенлюнс, потолкуем. Ну и все равно, присмотрись. Есть постарше барышни, готовые хозяйки. Все красивы, сам видел. Так что, думайте. Ну, вроде, все сказал. Есть, кому что добавить?

—Спасибо вам, хозяйева, — встала Фелиция, — много где бывали. Разные поселения встречали, но только у вас на сердце стало тепло и радостно. (Тут Фелиция не лукавила, много

где побывала она за жизнь, а такого места, кроме как дома родного, не встречала). Слезы навернулись у волшебницы на глазах, – как у батеньки в доме.

Братья переглянувшись, ни разу не видели они мать в подобном состоянии. В прочем, они ее вообще еще никак не видели. «Возраст» – послал мысленно Эг Фенлюнсу, тот чуть со смеху не прыснул, но сдержался и словно закашлялся.

Сула обняла Фелицию: Ну, будет, будет. Наладится все. Сейчас мальчики женятся, детишек нарожают, будет и в твоём доме и тепло, и радости много.

–Правильно Сула говорит. Вам отдохнуть нужно. А с завтрашнего вечера пойдем по гостям, где невесты живут. Сами посмотрите, послушаете, да и решите. Утром, значит, на работу, вечером по невестам. Ну, как-то так.

–Ялли! – возмутилась Сула.

–Ну как тут еще скажешь!

***

День прошел легко в беседах, прогулке по деревне. Посмотрели школу, познакомились со случайными прохожими. Побывали в ткацком доме, поглядели лесопилку и прилегающую к ней фабрику по изготовлению бумаги. Прошлись вдоль реки к озеру, а там и до водопада. С холма, на который некогда вышли наши странники, казалось, что он совсем рядом с деревней. Оно и не удивительно. Огромный поток низвергающийся с небес выглядел столь внушительно, что деревушка терялась на фоне такого великолепия. Однако, по

факту получалось, что водопад обрушивался в нескольких километрах от последнего дома. День был солнечный, лучи и брызги соткали цветной кокон на ревущей водой.

– Мощность потока Искристого сильно зависит от погоды. – крикнул староста. – Весной, особенно после снежной зимы, Этот Зверь грохочет так, аж слышно на том берегу Чистой, особенно ночью.

– А что, зима была не снежная? – поинтересовался Фенлюс, когда отошли от kloкочущей воды подальше.

– Снежная. Очень. Да вот куда все делось – не известно.

– А что там, откуда падает вода? Поднимались? – полюбопытствовал Эг.

– Нет. Запрещено это. В старые времена, пытались горячие головы покорить эти скалы, да куда там. Срывались. Вот и запретили старосты попытки посмотреть, что там, на горе и за ней.

На обратном пути заглянули в каменоломню.

На следующее утро проснулась Фелиция в мягкой теплой кровати, потянулась, открыла глаза. Комнатка была маленькая с большим окном, которое прикрывала тонкая бордовая штора. Солнечный свет легко проходил сквозь нее, окрашивая всю комнату в мягкий розовый цвет. Было спокойно. Не хотелось вставать, но долго валяться было неудобно. Деревенская жизнь начиналась рано. Волшебница уже забыла, когда она с таким удовольствием просыпалась. Забыла, как когда-то каждое утро начинала с ритуалов пробуждения себя

и своей силы. Все как положено, все как учили их в юности. Она уселась на кровати по-нарджистански⁶, прикрыла глаза, сосредоточилась на своих ощущениях и начала глубоко дышать.

Волшебники долго пытались привить людям правила пробуждения, которое могло зарядить энергией, придать больше сил, но люди упорно сопротивлялись, даже таким простым и легким вещам, как «пробуждение в удовольствии». Им больше нравилось ворчать. Находиться в дурном

настроении, жаловаться и ныть. Возможно, это и положило когда-то разделению людей на волшебников и простых смертных. Волшебники извлекали счастье и позитив из всего, в то время, как люди находили тьму там, где ее никогда не было.

Фелиция гоняла дыханием потоки энергии по своему телу, ощущая с каждым вздохом прилив сил, успокоение с каждым выдохом. Закончив дышать, женщина встала на ноги, повернулась к восходу и исполнила что-то среднее между танцем и гимнастикой, двигаясь очень медленно, продолжая дышать, онагнулась как молоденькое деревце то на сильном, то на слабом ветру. Проваливаясь в своих воспоминаниях в далёкие времена. Когда она в доме отца выходила на свой балкон, обрамленный цветущими карликовыми сосенками в вазонах. Закончив занятие, Фелиция поклонилась Солнцам,

---

⁶ По-нарджистански – по-нашему: по-турецки. Нарджистан – большая богатая страна по соседству с пустыней Бромми.

и огляделась в поисках своей одежды. Но не нашла, на спинке стула висело простое, голубое в мелкий цветочек платье. Она приложила его к себе и удивилась – идеально. Это не могло быть платье Сулы, она женщина невысокая, а платье явно с кого-то Фелициного роста.

Женщина оделась, повязала платок, что лежал на стуле, так, чтобы волосы не лезли в лицо, заправила кровать и вышла из комнаты. Она быстрым шагом прошла по коридору и, подходя к кухне, услышала голоса сыновей и старосты.

–Через неделю пойдем в дом Рана, отца Ларси. Ты, Эг, если не хочешь, можешь не идти. Там только Ларси. Да и мелкие все там.

–Да, а что дома без толку сидеть. Мать с Сулой возиться будут. Стемнеет и заняться нечем. Пойду. Если племеннику понравится девочка, хоть сестре потом буде что рассказать.

–И то верно, – согласился староста, – но, я говорил, у нас все хорошие. Все правильно воспитанные. С малолетства по дому все умеют. Все работающие. А воздух у нас тут такой, что земля цветы красивые родит, а матери дочерей, красотой, как цветы эти.

–Замечательно сказано, – восхитился Фенлюнс. Он, действительно, не ожидал от старосты такой аналогии. Ялли вырос в его глазах еще больше. А еще больше потому, что парень и так проникся уважением к нему, располагал Ялли.

– Доброе утро! – поздоровалась, входя, Фелиция.

Парни приподнялись:

– Доброе утро, мам, – просиял Фенлюнс.

– Доброе, сестра, – улыбнулся Эг.

– Доброе-доброе, – проговорил староста, – хорошо ли спалось?

– Ох, замечательно! Аж встать не хотелось, – честно призналась волшебница.

– Ну и лежала бы! – вмешалась хлопотавшая по кухне Сула с большим подносом. Хозяйка принесла завтрак гостям и мужу: жареные яйца, запеченное мясо, овощи и булочки, травяной чай. – Как говорит Ялли: «три дня в гостях, а потом, как дома».

– Эх, не знала, не знала, – рассмеялась Фелиция, – если б не аромат булочек, пошла бы исправлять свою ошибку.

– Завтра не спеши, – подмигнула Сула.

– Сула, спасибо за платье, как раз по мне! – поблагодарила гостя.

– Да не за что! Не новое, конечно, но пока твое в стирке.

– Чье оно?

– А! Лукрецино. Оно в ближайшее время ей не пригодится. А она у нас барышня рослая вышла, как ты, в плечах и бедрах, правда, по шире, но да не страшно. Что там! Не девка ж на выданье!

– Это да. Ничего, свободное зато, легкое, не жарко.

– Вот и славно.

После завтрака мужчины ушли по делам, а женщины остались дома. Через два двора староста, Фенлюнс и Эг встретились.

ли Барра. Он что-то там помогал соседям ремонтировать с утра пораньше. Староста ушел по своим делам, а ребята отправились в лес за деревом.

– Как вам у нас? – поинтересовался Барр.

–Замечательно! – вздохнул Фенлюнс. – Природа, птички поют, красота!

– Да разве ж не везде так? – глаза парня заблестели.

Братья сразу поняли, что ему жуть как интересно послушать о мире за пределами его деревни. Они, конечно, могли бы рассказать много интересного, от чего у того дух захватило, но тогда бы Барр расстроился, что не ушел с другими искать помощи. И, возможно, при любом удобном случае предпринял попытку изменить свою жизнь. Поэтому рассказ братьев был длинный, нудный, грустный и серый, как и те места, где они побывали: без зелени, лесов, с хмурыми жителями, проживающими в мрачных домах свою бесцветную жизнь. К концу совместной повести Барр воспрянул духом: То есть у нас тут и правда, как в сказке?

– Не то слово! Наверно, даже лучше. Вот это ничего так, да? – Эг указал на красивое высокое дерево.

– Да, – согласился Барр, – это здоровое. Мы сейчас без крайней необходимости деревья стараемся не рубить. Они и так гибнут.

– А давно это началось? – озадачился Эг.

– Старики говорят, что еще в их детстве бывали случаи: срубят зеленое дерево, а оно, упав на землю – рассыпается,

словно пока падало – сторело в воздухе. Но то единичные случаи были. А им, старикам, еще их родители говорили, что началось все после Дня Тишины.

– А что за День Тишины? – спросил Фенлюнс.

– Когда вели к нам «Великую Дорогу», будь она неладна, природа словно противилась. То дожди шли, не переставая, то жара невыносимая. То нашествие змей, то подземные воды поднимались. Потом болезни всякие начинались, насекомые жалящие ядом повывелись, в общем, не пойми что творилось. Говорят, никогда такого в наших краях не было. Рабочие люди не выдерживали. Бросали, возвращались к себе. Правительство поднимало зарплаты, приходили новые энтузиасты, но и тех надолго не хватало. Разбежался народ. Пока однажды не пришел странный человек из правительства. – тут парень замялся.

– Что за человек-то? – в нетерпении поторопил его Фенлюнс.

– Нуу, понимаете, старики боялись это вслух произносить. Его то никто из наших не видел, это все слухи. Но все им как-то верят...

– Колдун что ли? – очень спокойно спросил Эг.

Барр оторопело уставился на него. Когда дар речи вернулся к парню, он хотел по привычке начать про ересь и все такое, но взял себя в руки и кивнул.

– Да, они так и говорили. Потому что тот, что-то там такое сделал: руками поводил, ногами потопал, какую-то жидкость

на землю вылил... И наступила тишина. Аж в ушах звенело. Даже люди странно себя слышали и говорили тихо. Птицы сутки не щебетали. Ветер не дул. Ящерицы и змеи попрятались. Рыбы не одной не поймали.

– Интересно, как этот ..., этот человек выглядел, – в сердцах произнес Фенлюнс. – Глянуть бы ему в глаза.

– Эм, я, конечно, не уверен, но мне кажется, что рыжий он был, хоть и в капюшоне.

– Постой, ты же говорил, из деревни никого не было. Или все-таки были?

– Не было, – замямлил Барр.

– А откуда тогда... – не успел договорить Фенлюнс.

– Сон, про который твой отец вчера рассказывал. Ты во сне это видел? – прочитал Эг.

– Да-да-да, я знаю, ересь, запрещено и все такое, – начал был парень, но Эг уже поймав верную нить, вцепился хорошо.

– Знаешь, мы столько на своем пути повидали, что, если быть совсем уж откровенными, с трудом понимаем почему некоторые вещи называют ересью. – вкрадчиво подытожил Эг.

– А что такого вы повидали? – встрепнулся Барр.

– Давай ты нам подробно про сон, а мы с тобой как-нибудь вечером посидим, поговорим. А то, если сейчас начнем рассказывать, то ремонт дома растянется не на один месяц.

— Ну да, — согласился Барр. — Так вот. Мне лет пять было. Приснилось мне, что я взрослый, наверно, даже старый. Ощущал себя как молодой, как сейчас, но волосы седые были и руки старческие. Посох у меня был. Длинная такая палка с...

— Мы знаем, что такое посох, — перебил Фенлюнс.

— ...а, и, в общем, палка, и, это, гнездо сверху было.

— Чего было?

— Гнездо птичье. И, вроде как, там даже птенцы были. Прямо на верхушке посоха. И значит, торопился я очень, чувствовал неладное. Может, со временем придумалось, но мне кажется, что я даже не ступал на землю, словно парил чуть выше земли. Вышел на поляну, где тот колдун стоял, но не успел. Тот уже закончил. Улыбнулся мне и говорит: «А, здравствуй, Баррингтон! Давно не виделись. А ты, как я посмотрю, постарел с последней нашей встречи. И матушка-природа не помогла?! Печально-печально». И языком зацокал, противно так. А я смотрю на него и точно его знаю: глаза цвету гречишного меда, рыжий, хоть и без такой гривы, как с тех пор, что я знал его, высокий, наглый. Черты лица острые, подбородок вперед выступает. И одновременно обязательный и мерзкий. Стою и вдруг понимаю, что я — Барр, деревенский мальчик. И так страшно стало... Чувствую — просыпаюсь, а во сне — растворяюсь. А тот, рыжий, смотрит на меня и глаза все шире и шире. Не знаю, чему он так удивился, но я проснулся.

– Вот это сон! – восхитился Фенлюнс.

– Мдааа, – протянул Эг.

– Что, что вы думаете? – забеспокоился Барр.

– Думаю, что с сестрой потолковать надо. Она при дворе в молодости работала, может, встречала, где портреты или в книгах кого видела... Интересно.

– А, может, и его видела? – в надежде произнес деревенский парень. – Говорят же, колдуны долго живут...

– Как много информации в вашей отрезанной от мира деревне! Такой, запрещенной информации, – удивился Эг.

– А мне дедушка говорил, что в нашу деревню, когда случился переворот, много волшебников пришло. А у нас закон такой – гостям рады. Дед говорил, что и дорогу хотели проложить, чтобы до сбежавших добраться. Так как обычные пешие походы не увенчались успехом. Природа вставала против и не давала пройти чужим.

– Природа, значит, – задумался Эг. Ему уже очень давно хотелось покопаться в воспоминаниях матери, но он запрещал себе. И дело было не только в обещании, но и в скучности бытия. Если все получать при первом же «хочу» жизнь потеряет вкус и цвет. А Эг для себя твердо решил играть по правилам людей, ну, точнее волшебников: колдовать чуть лучше лучших, влюбляться, страдать, ненавидеть, ждать и заниматься прочей человеческой ерундой. Пока у него есть время. А когда наступит момент уходить – он решит, как лучше быть.

– И куда же делись те волшебники? – поразился Фенлюнс.

– Дед говорил, что исчезли. И что это они помогли наполнить рвы водой, воду – рыбой, землю – семенами. Раньше такого не было. Как говориться – отблагодарили. Больше их не видели. Приходили иногда небольшие отряды правительственных, обыскивали все дома, но тщетно. Потом оставили в покое. Ну и приходят раз в десять лет, когда закон какой изменится. И все, живем сами.

– Потрясающе! Слов просто нет! – Фенлюнс был откровенно в шоке от всего услышанного.

– Послушай, но если старики вам столько всего рассказывали, почему народ то..., ну, как все: ересь-ересь, чуть что.

– А что народ! Все боятся. Мы хоть и далеко, но, знаешь ли... Всякое может случиться. Все и помалкивают. И не у всех были такие старики, как наши. Папа тоже все эти истории прекрасно знает, но нам говорить запрещает. Бережет. Да я и сам, коль будущая жинка чего отчебучит, буду покрывать на нее. Для порядку. Так положено. Для блага детей.

– Так, ладно, хватит лясы точить. Тема бесконечная. Нужно деревом заняться. Еще потолкуем, – пообещал парню Эги.

До вечера серьезных разговоров больше не заводили. Дружно занимались делом. Сестричка Барра в полдень приносила корзину с обедом. А как солнце село, пришел Ялли, мол, пора и честь знать. Парни сбегали на реку, искупались, вернулись в дом к старосте. Там им женщины приготовили

свежую одежду.

Пужинали уже более скромным составом из домашних старосты и пришельцев. Пообщались, поделились впечатлениями. И разбрелись по спальням.

Утром снова отправились в лес. Ялли прислал на подмогу двух парней. С Барром при посторонних было не поговорить. Болтали на общие отвлеченные темы. Новые знакомые давали советы по свободным девушкам.

—К кому вы в первую очередь собираетесь? — поинтересовался один, который рыжий.

—В дом Рана, — ответил Фенлюнс.

—Ларси смотреть что ли? — выронив ствол из рук, спросил второй.

—Ну да, — смутился такой реакции Фенлюнс.

—Да ты че! — возмутились оба.

—А чего? — оторопел парень.

—Да она ж выскочка! Не, она, брат, хороша собой, хоть и мелкая еще, но отец говорил, что и мать их, Флоэна, в девичестве такой красавицей была, что местные с ума сходили. Все законы попирали, до еретических разговоров доходило. Представляете! Муна, их старшая, что за Бодом, тоже красавицей была...

—Была, — удивился Эг.

—Ну, ей замужество не на пользу пошло. Говорят, Бод ее поколачивает. А она на сносях.

—Ага, а кое-кто говорит, что она нагуляла или не невинной

замуж вышла, вот он ее, ну, это. Вы поняли. Злиться, короче.

– Да не, чтобы Муна, она лишний раз в глаза не посмотрит... – засомневался рыжий.

– Ну да, чужая жизнь – дело темное. Но Ларси, брат! Это катастрофа!

– Да-да, слушай Рыжего. Она, правда, кошмар какой-то. С ней особо никто из девчат то и не дружит. Выскачка, задавака, вся из себя, ну не знаю, да простит меня Морис Великий, принцесса эдакая.

– Во-во, – подтвердил Рыжий.

– Ну, я уже обещал. Пойду сам гляну. – такого поворота Фенлюнс не ожидал.

– Не, ну сходи, конечно, глянь. За «посмотреть» жениться, слава Правителю, не нужно.

– Пока что, – загоготал Рыжий.

– И то верно, – подхватил второй. И оба пустились в фантазии на тему «женитьба не по закону, а после...» Чего там эти двое только не навыдумывали, а Фенлюнс, потрясённый услышанным, никак не мог собраться в кучу.

– Соберись, слизняк! – подошел Эг. – Мало ли чего болтают эти бестолочи. Тебе не о ее характере или щечках думать нужно, а о задуманном. Ну а в данную дака, о ремонте и деревьях.

Барр решил вставить свое веское слово:

– Лина, моя сестра, младше тебя на год. Она очень хорошая. Ты бы к ней присмотрелся, – обескураженный Фенлюнс

установился на него выпученными глазами. Барр смутился, что что-то не то ляпнул, и ретировался.

— Да, Фенлюнс, — протянул Эг. — В былые времена барышники на выданье сидели и поклонников со всех сторон ждали, а то и из-за границы, а теперь иначе, девицы в очередь выстраиваются, и одна лучше другой. А у тебя — выбора нет, беда прям!

— А чего это у меня выбора нет! — зашипел Фенлюнс. — Сам и женись на этой, со способностями. А я, может, выбрать хочу. Сердцем, как в «былые времена».

— Она ж малая! Тебе ждать — самое то, а мне как-то не к лицу. Да и я, к твоему сведению, не собираюсь перебирать. Чтоб не страшная и ладно. Я с любой полажу...

— Представляю! — усмехнулся брат.

— Что именно?

— Да как, какая-то там, земная бабёнка имеет право перечить нашему... Ты понял. — сузив глаза, молвил Фенлюнс.

— Это ты зря. Что я, монстр какой! Просто подход нужен правильный, и все. Я тебя научу, — подмигнул Эг брату. Тот фыркнул и принялся дальше работать, а то парни уже поглядывали искоса на бездельников, чешущих языками.

Целыми днями работа кипела: из леса в лесопилку, потом во двор, из двора к лесу. Хорошо, что дом располагался на окраине деревни, совсем недалеко от реки, которая вытекала из озера, в которое обрушивался Искристый, и до леса рукой подать.

По вечерам возвращались в дом Ялли и Сулы. Лина, свободная от замужества дочь хозяев, активно крутилась возле матери, пытаясь привлечь внимание юношей. Девушка была хороша собой: большие карие глаза, курносый носик, веснушки, пшеничного цвета коса. Коренастая, невысокая. Очень милая. И, конечно, она старалась изо всех сил проявить себя со всех положительных для будущей жены сторон, пока свободные парни гостили в их доме. Она понимала, что такого шанса у нее больше никогда не будет. И вся деревня шепчется о ее везении. Что даже пристроенные барышни завидует такой удаче: два молодых крепких чужестранца, посмотревшие мир. Было бы очень обидно упустить свой шанс. Тогда б вся деревня говорила, что с ней что-то не так, раз уж жили под одной крышей, а из двух молодцев она никому не приглянулась. Лина терзалась разными мыслями. То ее охватывала волна эйфории, и казалось: все обязательно сложится, когда кто-то из парней говорил, как ей казалось, по-особенному «мир тебе» или «добрых снов». То она впадала в отчаянье, зная – скоро начнут ходить по гостям, присматривая невест. За дом Рана она не переживала совершенно. Ларси, конечно, была хороша. Но она гораздо младше, а смысл ждать какую-то выскочку. Она уже знала о разговоре в лесу, как местные поведали, кто такая Ларсен. Но ведь потом будут нормальные семьи. И там девушки тоже очень хотят замуж. И это угнетало. У нее есть целая неделя, вернее уже меньше. Но Эг даже не смотрел на нее, а Фенлюнс, хоть

и отметил, что девушка «мила», но сразу понимал, что это не его. Во-первых, брат настаивал на Ларси, от которого у того еще до знакомства волосы дыбом вставали. Во-вторых, если выбирать сердцем, то Лина не покорила его. Чего – то ей не хватало. А чего именно, и что происходило с девушкой, Фенлюнсу было безразлично. Каждой не скажешь «да». Хотя, если следовать логике брата, дела пошли бы быстрее, и популяция волшебников росла на глазах, лишь бы здоровья хватило на всех. Такими мыслями развлекал себя Фенлюнс, пока Лина искоса поглядывала на него, а когда их взгляды встречались, густо краснела.

Работа за неделю славно продвинулась вперед, дом ожидал на глазах. Парни трудились, не жалея себя. Местные помогали безотказно. Погода способствовала. Месяц Сиван был достаточно мягким, но не самым жарким. Грозы отгремели в позапрошлом месяце, «Айар – грозу и ливень ожидай», как говорилось в поговорке. Затем следовал «Ккохи – жара, духота, комары, да мухи». Теперь стабильно грело солнышко, листва не успела запылиться, стояла насыщенная всеми оттенками зеленого. Цветы благоухали, птицы пели в ветвях. Природа готовилась к суровым, засушливым месяцам.

Фелиция же помогала Суле во всех домашних делах. Она не могла не отметить старания Лины, и ей было жаль девочку. Женщина знала, что ее сыновьям девушка не пришлась по нутру. А на заявление матери «все равно ж на ком же-

ниться», ей все повторил Фенлюнс, про волшебство, про их будущее и прочее. Эг отмахнулся, обозвав Лину коровой, и что он, ОН, хочет в жену человеческую женщину, на животных его не тянет.

Фелиция готова была разорвать сына за такие циничные слова, но тот церемонно поклонился и с достоинством барина вышел прочь из комнаты.

Сула за эту неделю ввела Фелицию в курс всего, что происходит в Ричконе. Рассказала о запомнившихся событиях, о праздниках, о традициях, пару раз они наведывались к местным в гости. Сулу и ее спутницу приманили душевно. Другим хозяйкам было интересно познакомиться поближе с чужеземкой. Первый раз они отправились в дом Рана, к Флоэнне, матери Ларсен. К сожалению, девочки находилась в школе. Из домашних их встретили родители Рана, мать Флоэнны, Ратима и Муна – старшая дочь в положении, и маленький Лир, которого родители пока не спешили отдавать в школу. Несмотря на ворчания родителей мужа, Флоэнна считала, что ему дома лучше. В этом Ран соглашался, и приструнивал стариков. Хотя детей отдавали в школу в любом возрасте, там за ними присматривали старшие. Муна ходила явно тяжело, срок был уже большой, но при это оставалась привлекательной. Она не стала задерживаться на кухне, где обычно собирались женщины поболтать, а отправилась полежать. Сула пыталась узнать у Флоэнны, как дочь, но мать девушки не желала вести разговоры на эту тему. И быстро

переключилась на Лукрецию, дочь Сулы.

– Да не знаю, – сетовала Сула, – такая активная всегда была, жизнью кипела, а как понесла, так и сникла. Хотя, Лукреция утверждает, что силы покинули ее раньше, чем она забеременела. Но я не помню.

– А что значит «силы покинули»? – поинтересовалась Фелиция.

– Та, говорит, ой..., страшные вещи говорит. Словно не живет. Чувствует себя тряпичной куклой. Надо что-то делать, а сил нет. Все через себя, с трудом. В доме мужа на нее, понятно, ворчат, но сейчас хоть в положении, оставили в покое. А на ранних сроках, вообще спасу не было. А муж ее, он хоть и хороший парень, да матушку свою, как осел развесивший уши, слушает. А та ему, только гадости про жену. Про мою Лукрецию. А я ж знаю, я ее воспитала, что она у нас девка – огонь! Была. Не знаю, может болячка, какая с ней приключилась... – с тоской окончила женщина.

Фелиция догадывалась, о чем говорит Сула, но она хотела знать точнее. Одних догадок мало, но если те подтвердятся, помочь она вряд ли чем-то сумеет. В любом случае нужно выяснить. Это может быть важно в дальнейшем предприятии. Да и семья Сулы как-то быстро стала ей дорога. Добрые, открытые люди, помогают им бескорыстно, кров дали, еду, тепло. Хотелось тоже отблагодарить, принести пользу, помощь оказать.

Второй раз ходили в дом с еще одной потенциальной неве-

стой. Фелиция понимала – Сула не просто так ее водит, а чтобы посмотрела, на кого сын и брат пойдут глядеть. Девушка была уже рабочая, лет двадцати. Статная, тонкая, с добродушным лицом и приветливым взглядом. Такая, по мнению волшебницы, могла приглянуться Эгу и по возрасту подходила очень даже. Приятно провели время, пообщались. Фелиция догадывалась, что Сула еще не раз сводит ее куда-нибудь в гости, где есть одинокие барышни. Но она была рада. Ей очень давно хотелось простого человеческого общения. Вот так просто посидеть, попить чаю и поговорить о чем-то простом и приятном.

Неделя пролетела незаметно. В последний день, все отдыхали. Никто не работал. Парни купались в озере, одели чистую одежду, и вместе с Ялли отправились в дом Рана.

Глава 3. История Муны

В доме Рана и Флоэнны царила суматоха. Всегда для семьи было несчастьем, если оставалась не пристроенная дочь. А ведь все как хорошо было! Все дочери расписаны, а Ларсен еще и с семейством повезло. Жила бы, если никак принцесса, то на порядок лучше сестер. А тут, с этой бедой!!! Столько парней ушло. Что с ними теперь – поди узнай. Бродят по свету, а вернутся или нет – никому не известно. Конечно, Ларси вновь «повезло», что она получила официальное освобождение. Но теперь, кто ее возьмет! С уходом ребят, невест в деревне прибавилось. Отца она просто раздражала, как и все другие дочери. Он любил только сына. И мать прекрасно понимала, что у ее Ларси, хоть и красивой, умной девочки, шансов очень мало. Фенлюнс – взрослый парень. В деревне есть невесты его возраста, созревшие, детородные. Куда ее малышка против таких?! Но надежда была. Маленькая, призрачная, но греющая душу. Вот и носились с утра все в доме, превратив обычное жилище в дом сумасшедших.

Одна Ларсен, толи переволновалась сильно, то ли еще чего, была абсолютно спокойна.

–Мам, успокойся. Какая разница, какое платье?

–Ты что, доченька! Сегодня очень важный вечер, ты же понимаешь. Так можно в девках всю жизнь просидеть. Горе-то какое!!!

—Мам... К нам идет мой муж... Я точно знаю.

—Откуда? — резко остановилась Флоэнна.

—Ну... знаю и все, — немного растерявшись, сказала девочка.

—Как можно знать такое наверняка?! — всплеснула руками мать.

—Не знаю. Но, правда, мам, будь спокойна. Все сложится замечательно.

Теперь Флоэнна переживала еще больше. Раньше Ларси была чуть ли не единственной правильной девочкой в семье без всяких там бабушкиных мечтаний, «огня в груди» и прочей ереси. А тут, накануне знакомства с потенциальным женихом, начинает нести бред. Нет, не бред, конечно же. Флоэнна бесспорно знала, что иногда в голову приходят истины. И снам стоит доверять, она всегда так и делала. Правда, толку от этого никакого. Ну, приснилось ей еще в детстве, что выйдет она за Рана, а не как записали при рождении: за Тира. Тогда она еще не верила снам. Потому что все знают, что нельзя изменить то, что записано. А потом волей случая погибли Тир и девушка, которая за Раном была закреплена. Вот все и случилось. Снилось ей, что старшая выйдет замуж за тирана и выродка чужеземного. И что? Что она могла поделать. Только молчать, чтобы дочь до начала семейной жизни не расстраивать. Видела, что потеряет та своего первенца из-за побоев, и горько плакала по ночам. Но что могла, самая обыкновенная женщина. Староста Ялли хоть и хороший че-

ловек, но строгих правил: ссор из избы никто не выносит, и на все есть закон. Значит, жена такая – непутевая. Да и Рану на дочерей всегда было наплевать. Что ими заниматься – вырастут как-нибудь, да уйдут в чужую семью, чужих мужиков ублажать. То ли дело – сын. В нем он души не чаял. Всю душу вкладывал. Тем более единственный и младший. Флоэнна почти смирилась, что муж скоро обозлится на нее – одних девчат рождает. А тут – счастье такое, сын появился в их доме. Ран, правда, решил на этом не останавливаться. Флоэнна была еще довольно молода и хороша собой, чтобы родить нескольких здоровых и крепких малышей. Такая перспектива женщину совсем не радовала, но против мужа не пойдешь. Да и во снах видела еще двойню. Но не знала, кто они были. И себя с ними не видела. О чем тут подумаешь! Но рассказать мужу о своих опасениях, означало только одно: реально начать опасаться за свою и жизнь дочерей. Это же ересь. Поэтому она молчала. А дочь молвила, что вот знает и все. Не побоялась сказать матери. А вдруг, чего такого ляпнет еще кому. Женщину бросило в дрожь.

–Доченька, милая, ты никому только не говори, хорошо? Пусть будет, как будет.

–Мамочка, да что с тобой такое! Я же у тебя умница. Я все понимаю, все знаю. Ты не переживай так. И постарайся успокоиться, скоро все изменится. Все станет очень хорошо. И я надену синее платье, как ты и хотела. Иди, подгони сестер, у них тоже паника. И, обязательно проследи, чтобы

Муна была.

— Но она плохо себя чувствует. И зачем ей. Ей нельзя волноваться, и так слаба, с этой беременностью... — начала Флоэнна. А потом вдруг осознала, что не говорила про синее платье. Что-то знакомое, но давно забытое защекотало где-то внутри. И женщина поняла, что должна сделать, как говорит дочь. Она поцеловала свою такую взрослую малышку и поспешно вышла. В конце — концов, каждый выбирает свой путь сам.

***

Староста и братья пришли в назначенный час. Хозяева взволнованно ожидали гостей на пороге. После стандартных приветственных речей все прошли к столу. Во главе стола сидели двое старейшин семьи: отец и мать Рана, а мать Флоэнны сидела по левую руку от матери тестя. Рядом с бабушкой Ратимой сидела беременная Муна, рядом расположились Мишель и Сонетти, страсть как взволнованные происходящим. С другой стороны, рядом с дедушкой крутился гордость семьи — пятилетний, единственный сын, Лир, которому все происходящее было столь же интересно, как и все другие ужины. Его больше интересовал жук, кружащий под потолком. Рядом с мальчуганом села Флоэнна, с ней рядом муж. Старосте и гостям оставили места напротив старейшин.

Разлив вино по стаканам, все приступили к ужину и разговорам.

Убранство стола отличалось изяществом и вкусом. Встре-

тить такое в деревенской семье, в глуши, вдали от городов, совсем небывалое дело. На камчатной бежевой скатерти расставили необычной формы медные лампы, фитили которых нервно дергались от движения вокруг стола. На полках и подоконниках по комнате стояли обычные масляные лампы. Хрустальные вазы с нежными лютиками переливались в свете огней. Композиции из цветов, зелени, сухоцветов и бантов напомнили бы Фелиции чаепития при волшебном дворе. Но она этой красоты не увидела, а мужчины не заострили внимания.

—Какие букеты! — разово восхитился Фенлюнс и тут же переключился на еду.

—Да, это Мишель у нас любит красоту наводить, — улыбнулась польщенная мать семейства.

Несколько глиняных сосудов с вином и компотом для детей были расписаны на нарджистанский манер. Остальная посуда была обычной. Те же горшочки с той же бараниной в сметанной заправке с чесноком и овощами, какие любили делать в доме Ялли. Жареных кур заменяла фаршированная утка, соленья, овощные нарезки, салаты, домашний горячий хлеб. Позже подали местную хищную рыбу, запеченную в печи. Казалось, что она вот-вот вцепится своими острыми зубами тебе в палец; столько ненависти и злобы осталось на ее аппетитного цвета голове.

—Отдохнули сегодня? А то Ялли вас быстро в оборот взял, — усмехнулся Ран.

– Да, что нам отдыхать. На чужой шеи молодым сидеть не подобает. А старосте спасибо, хороший организатор, мы только за пол недели с ребятами древесины натащили ко двору, уже обработали. Завтра начнем крышу разбирать, – жуя курицу, совсем по-простецки сказал Эг.

– Это правильно, – одобрил Ран.

– Как здоровье, Муна? – осведомился староста.

– Благодарствуйте, староста, хожу. Ребеночек шевелится во всю, мальчик, наверно, будет. Драчун такой.

– Это хорошо, что драчун. Крепкий значит, как батя будет. Ты потерпи, девонька. Защиту и опору свою носишь.

– Терплю, староста, терплю, – еле улыбнулась Муна.

– А муж-то твой где? – удивился староста, – Вся семья в сборе, а его нет.

– Захворал он, – побледнела девушка. – А дома... ребятни много. Чтoб заразу не нести...

Мишель и Сонетти недовольно завозились, но под строгим взглядом отца усталились в свои тарелки.

– Захворал, значит, – процедил сквозь зубы Эг.

– Что ты говоришь, Эги? – переспросил староста.

– Говорю, правильно сделал, что не пришел. Мудро. Детей не заражать.

Все закивали головами. И не удобную тему свернули то-стом «за здоровье старейшин».

«Брат, ты чего?» – услышал Эг беззвучный вопрос.

«Потом расскажу. И тебе это тоже очень не понравится.

Но ты давай, не отвлекайся. Скоро жену звать будут».

Потом перешли на разговоры о хозяйстве, о детях. В основном староста что-то спрашивал, остальные отвечали. Но было легко. Видимо, так водится, староста – то он глава селения. Он спрашивает обо всем понемногу, но в личные дела не лезет, от этого все и отвечают как на духу и не нервничают.

Покончив с ужином, девчата повскакивали с мест и стали помогать матери уносить посуду со стола. Муна тоже хотела было встать, но все, не сговариваясь, замахали на нее руками, сиди мол. Когда стол опустел, отец семейства встал:

– Ну что, гости дорогие, позвольте представить мою дочь, Ларсен. Пока мы ужинала, она сладостей настряпала. Сама, ей хоть и тринадцать всего, но она у нас совсем взрослая.

В комнату вошла девчуха. Худенькая, тоненькая, с опущенным в пол взглядом, как и положено барышне. Длинные каштановые волосы были заплетены в косу. Коса лежала блестящим жгутом на плече. Синее платье делало ее похожей на что-то совсем волшебное, неземное. Отец семейства аж приоткрыл рот, явно не замечая раньше, какая красавица у него росла под боком.

От бывшего спокойствия Ларси не осталось и следа, сразу бросилось в глаза, что она очень переживает. Девочка неуверенно поклонилась с огромным подносом в руках, неуклюже поставила его на стол, и спешно убежала на кухню. Мать последовала за ней.

«А девчонка то очень даже ничего! И силы в ней, я тебе скажу, куда больше... то ли стало, то ли я не сразу разглядел. Хорошая такая ведьма, со способностями», – услышал Фенлюнс в своей голове.

«Скажешь тоже: ничего так. Да она просто красавица. Этот Паугни болван, что отказную написал».

«Оооо, – протянул мысленно Эг: Говорю ж, со способностями ведьмочка, еще даже в глаза не заглянула, а уже околдовала. Попал ты, брат».

«Отстань! Отличная девчонка!»

«А как же характер?» – не унимался Эг.

«Вон из моей головы!»

***

–Ну, ты чего, такая собранная была, говорила, что все хорошо будет... А, дочка, – хлопотала на кухне Флоэнна.

–Не знаю, мам. Я даже глаза поднять боюсь. Как будто там не человек сидит, а ужас какой.

–Это нормально, от волнения. Ты и не поднимай. Скромность всех красит. Сиди в тарелку гляди, я сама посмотрю, будет ли он на тебя поглядывать.

***

–Вот и мы, воду вскипятили. Сейчас чаек попьем. Сама собирала, все травки мои, с огорода, – говорила, возвращаясь Флоэнна.

За ней плелась, словно зачарованная, Ларси с подносом кружек.

–Че эт с ней? – на ухо сестре удивилась Мишель.

–На нее не похоже, – поддакнула Сонетти, – ее судьба решается, а она как муха зимняя.

–Девочки! – едва слышно осадила бабушка Ратима.

Вскоре все преступили к сладкой выпечке. Булочки были просто наивкуснейшими: пушистые, нежные, с ягодной начинкой.

–Ничего вкуснее не ел! – доедая третью, восхитился Фенлюнс, и тут же словно случайно спохватился. – Матушке моей только не говорите! Обидится, не ровен час.

Все засмеялись. А Ларси «прожгла дырку» в Муне, но та ничего не поняла и снова опустила глаза.

–Действительно, очень вкусно, – согласился Эг, – Флоэнна, мое почтение, прекрасная хозяйка выросла.

–Да, – жуя четвертую, промямлил Фенлюнс, – с такими булочками жизнь во сто солнц слаще будет.

–Это Муна научила, у нее талант к выпечке, так больше никто не умеет. – как-то резко вскричала Ларси, поднимая глаза.

Все удивленно повернулись к виновнице торжества, и она сконфужено уставилась в тарелку.

Эг, не давая затянуться моменту неловкости, обратился к Муне:

–Муна, не расцени, как за оскорбление, но я, прям, завидую твоему мужу. Староста, вот, я хочу себе жену, чтоб пекла такие же булки. Решено. Кто из местных хозяек спечет

такую вкуснятину, ту и возьму в жены. Даже на смотрины ходить не буду.

Староста аж крякнул:

–Неожиданно. Такого у нас еще не было. Но... выпечка, действительно, безупречная. Хорошо, так даже проще. Завтра же скажу, чтоб невесты к печам с утра становились, а на обед их матери нам несли. По очереди. И Сула с Эридой передохнут немного. И мы попробуемся. Поди, поделишься? – пошутил староста, потирая руки в предвкушении.

–А то! – все снова засмеялись. – Вместе дегустировать будем!

–Что будем?

–Пробовать. Это у нас в деревне беглец один со двора был, так вот нахватались мы от него всяким словечкам интересным, дворцовым.

–Новые слова – это хорошо. Если что – учи. Новое оно жизнь вперед ведет, как дите.

«Ого, да у нас староста – поэт просто! И мысли правильные говорит. Не место – а сокровищница!» – послал Эг брату.

«Да, я за ним уже замечал подобное. Хороший мужик. Ты действительно женишься на «булочнице»?» -удивился Фенлюнс.

«Ну, я ж слово дал, конечно. На Муне и женюсь».

«Эээ, брат, ты ничего не путаешь, она замужем. Конечно, очевидно, что за каким-то отморозком, но замужем. Да еще

и родит вот-вот».

«Про отморозка ты это верно подметил. Ты брат своей ведьмой занимайся. Ох и девку мы тебе присмотрели. Интересную. Я даже думаю, что тебе стоит ее на воспитание к ма-тушке взять. Нечего ей тут без дела болтаться. Ну да после обсудим».

–Так, а если никто не принесет такую же выпечку... – задумался Ран.

Все устали на Эга, кроме Муны и Ларси.

–Э, да как же так, – растерялся Эг, – а что ж я тогда? – повернувшись к старосте.

–Ну.., – теперь растерялся староста, – мы сначала попробуем, я так думаю, а потом решим. Что ж, неужели больше нет девиц в деревне, чтоб пекли хорошо!

–И то верно, – вздохнули все.

Вечер подошел к концу. Все поднялись и пошли прово-жать гостей до дверей.

–Спасибо, что пришли, надеемся, вам все понравилось. Как бы там не сложилось, чтобы не решили, мы всегда вам рады. Если помощь какая – обращайтесь. Чем смогу – помо-гу, – расщедрился на любезность Ран.

–Это вам спасибо за ужин замечательный, за знакомство с семьей вашей светлой. Дети – просто золото. Ларсен – кра-савица, думаю, все хорошо сложится, – отвечал Эг.

Вскоре все распрощались и разошлись.

–Ну что думаешь? – поинтересовался Ялли у Фенлюнса.

–А думаю, что не пойду других смотреть. Хороша. По сердцу пришлась. Поговорю с матерью сегодня же. А потом на собрании объявлю о своем решении.

–Хороший ты парень, Фенлюнс. Правильный. Прямой. Сказал, сделал. Нравишься мне, – признался староста.

–Спасибо, Ялли, – расплылся Фенлюнс.

–Ну а твое будущее с новой недели будем решать. Собрание в конце месяца будет, там всей деревней обо всем и по-толкуем. Решать что-то надо с ситуацией. А то, как бы и нам не пришлось бежать и искать новый дом.

–Ни за что! – искренне воспротивился Фенлюнс, – Чудесное место. Матушка права, как дома: тепло, хорошо.

–Да, согласен с б., племянником, – запнулся было Эг, – никуда мы отсюда не уйдем. Что угодно придумаем, но решим проблемы.

–Эх. Хороших парней нам жизнь послала, говорите, как наши, как тут рожденные. Одного не пойму, как могли не вернуться все те, кто ушли помощи искать. Что там такого найти можно.

–Призрак свободы, – отозвался Эг.

–Дядя, – притворно одернул Фенлюнс.

–А что, говорю, как есть. Вырвались парни из комфорта, тепла, достатка на дорогу, встретили шайки какие-нибудь, а там тоже не дураки ходят. Смотрят, парни крепкие, ничего о той реальности не знающие, запудрили им мозги, напоили, девок легких подсунули и все, много ли надо в таком воз-

расте.

—Ну не все ж такие!

— Не все. А те, кто не все, те добрались куда хотели, и будут искать способы оттуда, родимому месту помочь... Но и у них всякое может случиться.

—Верно ты говоришь, Эг. Нет, неправильно, конечно, но от сердца. Я так же думаю, — погрустнел староста, — а знаешь что, пойдем -ка со мной. Нужно мне кое-кого проведать. А ты, Фенлюнс, иди домой, мать обрадуй.

Фенлюнс ушел. А староста направился на соседнюю улицу.

—Есть у меня беда в деревне среди людей. Тут, с природой что-то творится, и люди туда же, дуреть начали. Недавно завелась, недоглядел чего-то. А может и давно, понял вот только. Но как быть с этим — ума не приложу.

—Я, конечно, опыта такого не имею, да и не учен особо ничему, кроме ремесел, но... может, поделитесь, вдруг чего соображу.

—Для того и позвал. Ты со стороны, много чего повидал, авось, где подобное встречал. Заметил я вещь одну нехорошую, странную. Девки, что замуж за неровню идут, часто умирают: то при родах, то от болезни, то несчастный случай. Да вот зарекался я не лезть не в свое дело. А тут Муна. Она подружка моей дочери, Лины. Все детство у нас бегали. Как родная выросла. И...замуж вышла, не за ровню. И как подменили. Да ты видел — сидит никакая. Руки прячет. Жена

говорила, у нее все что выше запястья, все в синяках. А срок. Когда думаю об этом, злость такая берет. Вот и хочу с муженьком ее потолковать. А тебя спросить хочу, только ты не геройствую. Я любой ответ приму, это все-таки твоя жизнь. Ко-ли чего случится, возьмешь Муну в жены, булки такие только она печет. Это я точно знаю. Не сказал бы ты этого, мне бы и в голову не пришло. Есть у меня и среди своих невеста, сам знаешь, но за язык никто тебя не тянул...

—Возьму. И ребенка воспитаю, как своего. И про булки я специально сказал. Только не нравится мне «коли чего».

—И откуда вы такие взялись. Как из легенд, я не знаю, но бабушка в детстве рассказывала. Хорошо помню. Знаю, знаю, ересь все это. Да вот только по сторонам посмотришь, и сомневаться начинаешь. Пришли.

Дом был как большинство в деревне, только больше. Аккуратный домик, с ухоженным палисадником. В одном окне виден был свет от свечи, и оттуда доносился веселый смех мужчины и женщины.

Староста зашел во двор как к себе. Собачонка бросилась с лаем, но, почуяв знакомого человека, завиляла хвостом и скрылась в своей конуре. В дверь ломиться не стал. Постучал.

В доме стих смех, наступила тишина. Староста еще раз постучал. Послышались шаги.

—Кого там принесло? — раздалось недовольное ворчанье, — Муна, ты, что ли, приперлась? Иди к мамке, я те сказал. А

то ща ка...

Дверь открылась.

—Опаньки, какие люди! Староста! А это кто с тобой? А, новенький. Здравствуйте.

—И тебе здравствуй! — поприветствовал староста.

—А вы тут как, в столь поздний час, али случилось чего? — пел Бод.

—Не пустишь в дом? — поинтересовался староста.

—Да в любой другой бы день, конечно же. Но захворал я. Подцепил что-то странное. Никак не проходит, — и притворно закашлял. Противно так.

—Понятно... подцепил, значит чего-то. — протянул староста.

—Да Муна сказала, что ты болеешь, вот решил проведать. Может помочь чем. О здоровье жены справиться. Не подцепила ли она чего. А то на ней лица совсем нет.

—Да я что, выкарабкаюсь. Муна мне тут травки всякие заваривала. К маме ушла, все оставила, наказала, что и как пить. Я что, я жену по этим вопросам слушаю. Они — женщины хорошо в вопросах здоровья разбираются.

—Это да. Только по Муне что-то не скажешь.

—Да беременность у нее тяжелая. Она еще из-за отсутствия повитухи переживает. Говорю ей: Родишь, как все. Все ж рожают как-то. А она слезы льет: не рожу, говорит, и все тут. Что я с ней только не делал...

—А что ты с ней делал? — с нажимом спросил староста.

Мужик растерялся, а потом злобно сверкнул глазками, отвечая:

– Уму разуму учил, как мог.

– Смотри мне, не переусердствуй. Чего узнаю, самолично разберусь. Все понял.

– А как же не понять. Понял, что нельзя домой было пускать, распустила язык, дурная баба.

– Ты мне это брось, – зашипел староста.

– А то что? Моя баба, что хочу, то и творю. Дурная – уму разуму учу, хорошая – люблю. Все, разговор короткий. И не лезь в чужую жизнь, а то, знаешь ли, власть не только во дворце меняться может.

– Да ты что?! – сжал руки в кулаки Ялли.

– И что? – понимая свою неуязвимость, подался вперед "больной", – Что сделаешь? Все живут, как могут. Мы так живем, как мне нравится. Ежели ей чего не нравится, ну что я могу поделать. Запись у нее такая.

– Зачем ты девку мучаешь? Твоего ж ребенка носит!

– Откуда ж я знаю, что моего?! За ними уследи!

– Да ты совсем дурной! Сосуд вина вместо башки! Я ее с детства знаю. Не ровняй ее по этим своим, что там ща в доме прячутся, вместо болезни твоей.

– Кто прячется? У меня прячется? Нет там никого. Честный я, обиженный муж. Нагуляла неизвестно где и от кого, а я терпи ее.

Эг схватил старосту, оттаскивая от двери, давая возмож-

ность той скрыть мерзкое создание.

Но тот еще больше раздухарился, напирая на старосту, поливая грязью Муну.

–И откуда это дурь взялась то у тебя?!

–От всеобщей мудрости. Все бабы – потаскухи. Мой отец всю жизнь мать и сестер порол, чтоб не повадно было. И что, Пирку муж в постели с другим застукал, там и убил. Оскорбленный муж терпеть такого не должен. Верно же все?!

–Вон оно что. Ты все ждал, когда ж Муна себе притащит кого-нибудь, а она правильная оказалась. Хорошая. Убить не за что. Одного не пойму – чем не угодила то. И красивая, и хозяйственная, и терпит тебя, и ребенка от тебя носит. Что не так-то?!

–А вот не по нраву. Изначально на сердце не легла и ничего не сделала, чтобы завоевать его. Да и новую хочу, помоложе, да покраще.

–Так разведись, бывают же редкие случаи. Я помогу.

–Развестись? Ты в своем уме? Кого за меня тогда отдадут? Калеку какую или старую деву, как у меня сейчас в хате, что уже по всем сараям прошлась. Нее, благодарствуйте. Одно дело: оскорбленный муж, вдовец, если хотите, другое – разведенный. Выгнавший жену на сносях. Ща!

–Ах ты тварь!

–Ялли, – потащил его Эг, – пошли отсюда. Ничего мы не решим.

–Знаю. Но клянусь, прибил бы. Если б не бабенка в доме,

а то растреплется же всем.

За углом староста отдышался.

—Ну и змЕя пригрели на своей земле. Его прадед к нам пришел во время строительства «Вечной дороги». Хотел посмотреть на чудо деревушку, что от глаз скрыта. И когда подходил, увидел девушку, стирающую в реке. И никого рядом. А что, у нас безопасно всегда было. Звери лесные и те не нападали. А тут это чудовище с дороги, будь она неладна. Это ж после ее строительства и случилась с природой беда. Так он ту девушку силой взял, а опосля спать уволился. А Рина, прабабка этого выроodka, прибежала в деревню, как была, и давай голосить. В общем, тронулась она от произошедшего малость. Ну, мой прадед так рассудил, раз сотворил такое, пусть теперь и живут вместе. И поженили их насильно. Этот все назад рвался, у него там невеста видите ли, но дед непреклонен был. Натворил – отвечай. Следили за ним, чтоб не сбежал. Прошло время, тот стал пить крепко, а злобу свою на Рине срывать. А та и так странная стала, но при этом женщина красивая, видная, так еще и гулять начала. Ну, вот так и пошло все. Нарожала детишек. Уж и не знаю от кого. Да от всех, что родила, семьи неблагополучные пошли. До этого у нас более ли менее стабильно было. Конечно, разное случалось, но решаемо. А тут. Не искоренишь же весь род, да еще и хорошо разросшийся. А они еще и с хваткой, это этот балбес, а те – хоть и деспоты, но работающие были. Быстро зажиточными стали. Вот и получалось, что такая дрянь – а

партия выгодная. И своих, местных отдавать приходится за этих. А что поделаешь – закон. Но ладно, пошли домой. Утро вечера мудренее. Отдохнем, за ночь, государь даст, ничего не случится. Пока в доме родителей – она в безопасности. А с утра думать будем.

Что хотел сделать староста, Эг так и не понял. В мысли лезть не хотелось. Не уж то, и впрямь хотел прикончить это подобие мужика. Но как-то глупо, и зачем его с собой потащил, свидетеля. Хотя, может, как соучастника. А если реально посмотреть на вещи – что тут сделаешь!

***

Фенлюнс нашел мать на кухне с Сулой. Женщины управились и пили чай, ведя обычные разговоры. Увидев парня, налили еще одну чашку чая и с интересом уставились на новоприбывшего. Конечно, Фелиции хотелось узнать гораздо больше, чем можно рассказать при Суле, но нужно потерпеть.

– Ну? – в один голос спросили любопытные.

– Ну... Понравилась мне Ларси. Буду ждать. А вообще, есть мысль тебе на воспитание ее сплавить. Что ей там еще два года сидеть. Пусть уже в нашей семье живет. Тебе помощь, и она научится быт вести, как мы привыкли.

– Да разве ж..., – начала Фелиция.

– Здравая мысль! – восхитилась Сула. – У нас, правда, давно так никто не делал. Но почему и нет. Закон разрешает. Семья у вас маленькая, трудно вам будет. Новая пара рук

никогда не помешает. Да и Ран обрадуется сбавить дочь, не очень-то он девочек жалует. Лишний рот, видите ли. А Ларси хорошая, умная, трудолюбивая. Ты на собрании, как будет, обязательно скажи. Дом до ума доведете и займетесь воспитанием, - улыбнулась Сула.

– Вот и отлично! Так что мама, скоро у тебя и дочка появится.

– Даа, – мечтательно улыбнулась Фелиция, – теперь еще Эгу найти себе пару. И все, все удалось!

– Скоро найдет, – радостно сообщил Фенлюнс.

– Ты уже что-то знаешь? – заинтригованно поинтересовалась мать.

– Ему, ну, как и всем, очень понравились булочки, что Ларси к столу испекла. А ее Муна научила. Вот дядя и сказал, что женится на той, кто такие булочки испечет. Староста завтра клич по всей деревне бросит, чтобы каждый день в обед булки нам таскали. В обед пробовать будем. И я буду, чтоб точно вкусные были! – развеселился новоиспеченный жених.

– Вот те раз! Ну, брат дает! А как же посмотреть?

– А что на них смотреть, главное, чтоб стряпать умела! – откровенно веселился Фенлюнс.

– Н-да... Даже не знаю, что и сказать, – растерялась Фелиция.

– Такого у нас никогда не было, – пробормотала Сула.

«Ты сейчас серьезно? Что он задумал, или ему реально с

кем поколение волшебников делать? Хотя от Лины, как от щерно девы⁷ отбрыкивается. Не понимаю его», – мысленно обратилась к старшему сыну Фелиция.

«Не знаю точно, не успели пообщаться. Сказал, что потом все расскажет. Его чем-то Муна привлекла. Я не умею прощупывать наличие силы, но если у Ларси что-то есть, как говорит Эг, возможно и Муна не обделена».

«Нууу, тогда все более ли менее понятно. Хотя, постой, это ж она замужем и в положении!»

«Да, это она. Брат, поверь, тоже в курсе, как оказалось. Я не знаю. Не спрашивай. Но он явно что-то затеял».

«Ох, не нравится мне это... Для нас ладно, мы ко многому готовы. А местных все это может подтолкнуть к нехорошим мыслям. Ну да то еще будет. Пусть привыкают».

–А где же Эг? – вслух спросила Фелиция.

–И Ялли? – спохватилась Сула.

–Не знаю, староста сказал, что дело у него есть. Взял Эга и ушли.

---

⁷ Щерно дева – так же мифическое существо, некая прекраснейшая из дев, жившая в пещере Соленого озера, но внушающая небывалый страх каждому, кто приближался посмотреть на чудесную затворницу. Сохранилась по сей день в приданиях, после корректировки государевым надзором «по слову простого народа». Несет в себе понятие прекраснейшей на внешность, но падшей жены, которая смела прийти во дворец, прося помощи у государя. В дальнейшем получила в виде справедливого суда, где ее полностью признали виновной и отпустили без денег, жилья и еды в назидание маленьким девочкам. И потом она скиталась по городам, прося милостыню и предлагая себя в качестве оплаты, где от нее все шарахались, как от прокаженной.

— Это после ужина сразу? — спросила хозяйка дома.

— Ну да...

— А кто на ужине-то был?

— Ран, Флоэна, трое старших, малыш, двойняшки, Муна и мы. Ну и Ларси, разумеется.

— А муж Муны?

— Сказала, что заболел. И решил не приходить.

— Понятно, — помрачнела Сулла, — кабы чего не стряслось...

— А что такое?

— Да понимаете... Вроде нехорошо о чужих делах за спинами... Но этот... Бод, муж Муны, дурной совсем. Бьет он ее. Ни за что. И до беременности побивал, а сейчас вообще, — вздохнула женщина.

— Так, а что ж вы ничего не делаете? — уставилась пораженная волшебница.

— А что тут сделаешь? Во-первых, никто не жаловался. Самим лезть не хорошо. А во-вторых, даже если и пожалуется, ничего не можем. Ну, побеседует муж с ними, а смысл? Еще хуже сделаем. Закон ведь такой, как не поверни, а виновата жена. Ох... Выпало ж бедной.

Над столом повисла гнетущая тишина.

— Не хорошо это. Ну как так. Закон законом, а если он ее убьет, — вспыхнул Фенлюнс.

А тут и Ялли с Эгом вернулись. Хозяйка подскочила с места, почувствовала неладное: староста весь взъерошенный

вошел, глаза бегают, думает что-то.

–Что стряслось-то? – испуганно осведомилась Сула

–Ох... – сжимая кулаки, только и смог сказать староста.

–Мы к Боду говорить ходили, – решил прояснить ситуацию Эг, дабы не пугать женщин неизвестностью.

–Ой, – села Сула, – и как? – дрожащим голосом произнесла она.

–Да никак! – стукнул по столу староста. Все подскочили.

–Тише ты! Детей напугаешь.

–Изверг он! Разводиться не хочет, не пойдет за него никто видели ли, а ему, знаете ли молодку подавай, скотина! Куда моложе-то! Шестнадцать! Да чтоб еще одну девоньку замучил, гад. А Муну, Сула, он со свету сжить вознамерился. Не люба она ему. Такой грязью поливал, прибить хотел. Да Эг остановил. Да бабенка какая-то в доме у него была. – на одном дыхании выдал староста, усаживаясь на стул.

Хозяйка, понимая всю трудность ситуации, тут же поставила бутылку с настойкой для таких вот случаев и пять стаканов. Молча разлили, молча выпили.

–Нужно что-то предпринять. Завтра он заберет ее домой и страшно представить, что тогда.., – заволновалась Сула, – может, к нам? Хотя бы пока не родит. А там гляди, увидит ребеночка этот бессовестный, да отгадет...

–Хорошая ты у меня, Сула, добрая. И в людях, даже самых гнилых, ищешь хорошее. Но не будет так. Он собственного ребенка чужим считает, что, мол, Муна... Тьфу!

–Да как же можно? И почему для таких случаев нет закона? А может, написать кому главному из ближайших городов. Так и так, не знаем что делать. Помогите мол...

–Да кому мы там нужны! Сула! Мы тут о помощи всей деревней просим, да и как видишь – не одной деревней. И что, где помощь – то? А тут одна семья. Да они если и решат чего, то пока соберутся – поздно уже будет.

–Что ж мы такие беспомощные-то, а, муж? – чуть ли не плача, взмолилась Сула

–Далеко мы забрались. Вот и отрезаны от всего мира, – все сильнее мрачнел Ялли.

–Нуу, это как плохо, так и хорошо, – задумался Эги.

–В смысле? Что ты хочешь сказать этим, брат? – любопытствовала Фелиция.

–Как вы узнаете о новых законах? – обратился Эг к старосте.

–Посыльные приходят...

–А когда последний раз посыльный был?

–Ох..., и не припомню уже. Когда, Сула?

–Да лет десять назад, поди, и был.

–Сколько? – опешили новые односельчане.

–Ну да, а что им часто сюда захаживать? Закон он и есть закон, его, как прописали в незапамятные времена, так он и стоит на страже нашего спокойствия и свободной жизни.

–Особенно «свободной жизни», – буркнул Фенлюнс. Эг пнул его под столом ногой.

—А вы знаете, кто сейчас у власти? — удивилась Фелиция.

—Государь Вэрид, — неуверенно ответил староста.

—Эм, его свергли племянники Желтого ордена, а после того сменилось семь правителей. Последим, о ком мы слышали, был трех летний Мэнсоу, сын покойного герцога Дюн-ского.

Ялли и Сула переглянулись.

—Эт.., я д.., — только и развел руками Ялли.

—А законы что, тоже так меняются, как государи? — робко спросила Сула.

—Жена! — одернул староста.

На самом дела, законы действительно менялись каждый раз в пользу нового государя. Но это были незначительные законы, касающиеся высокопоставленных особ. Вернее их обогащения за счет казны. Суть же системы Мориса Бес-смертного заключалась в стабильном выращивании работающего, бездумного и слепо верящему всему, что скажут выше, среднего класса. А средним классом признавались все, кто не имел прямых родственников при дворе. Хотя и среди, так называемого, среднего класса были весьма зажиточные семьи. Но все искренне верили в то, что трудились они более других, вот и нажили. И всех считали одинаковыми. Почему же одного из детей простых семей соединяли с высшим классом, никто не спрашивал. В какой такой момент начиналось разделение, было совершенно непонятно. Люди это воспринимали, как благо. Все равны, но кто-то трудится больше —

имеет больше. А чтобы и другие могли так трудиться, обогащать себя, а, следовательно, и государство, приобщаться к правильному ведению хозяйства, были созданы эти браки. Во избежание путаницы: кого и за кого отдавать или брать, то и обозначили, условно, «работающих» более высшим классом. А что, так честно, они заслужили.

«Кажется, все гораздо проще, чем мы думали. Нам срочно нужен свод новых законов, только наших. Главное, не переусердствовать. Чтоб сильно не шокировать местное население. А то жили десятилетиями по одним правилам, а тут если с ног на голову перевернуть все..., может плохо закончится», – мысленно заговорил Эг.

«Да, брат, ты прав. Но где нам его взять. Тем более срочно».

«Ну, мы же волшебники, или ты уже так вжился в роль крестьянина за одну неделю, что пойдешь судить меня?»

«Не смешно. Но колдовать... Не опасно?»

«Опасно жить. А вообще, опасно быть Муной, если на то пошло».

«Извините, но я тут все о том, что делать думала... Есть у меня одна мысль. Думаю, сработает. А вы отправляйтесь и добудьте свод «наших», ну хотя бы Муниных, законов. Сейчас сложно сообразить, что бы добавить, а что зачеркнуть в имеющихся. Да и чтоб на пользу. Поэтому, сделайте только то, что нужно. И, раз уж мы начали, ставьте защиту вокруг деревни, чтоб не зашел, кто посторонний. Но сначала, Эг,

посмотри, если сможешь, что во дворце творится. Мало ли чего. Такое колебание магии за несколько столетий может привлечь к себе ненужное внимание».

«Конечно, смогу. А ты, приостанови время. Ночь – коротка, а дел много. До утра надо управиться».

«Хорошо. Все, идите».

«Ну, мы прощаемся, хотя бы», – улыбнулся Фенлюнс.

«А, ну да», – ухмыльнулась в ответ Фелиция.

–Так у нас есть..., – начал Фенлюнс.

И, действительно, у них была небольшая книжица законов, по случаю полученная на одной ярмарке три деревни отсюда.

–Я знаю, что делать! – выпалила Фелиция.

–Здорово! А у нас есть последний свод правил. Нам в одной из последних деревень дали. После последнего переворота там что-то поменялось и для ознакомления. А что делать, матушка?

–Да, точно! Молодчина. Фенлюнс. Я и забыла. Есть в моем саше. Я ее в нашем новом доме оставила за ненадобностью. А я пока Суле расскажу, что придумала. Это женский разговор.

–Вы наше сокровище – растрогался Ялли, – с вами добро к нам пришло. Может, и хворь природная отступит. Вы, ребята, за сумкой идите. А мы тут пока послушаем, что Эрида придумала.

–Эм... Извините, Ялли, но это только женский разговор.

Не могу при вас.

– Спасительный и только женский? – удивился Ялли.

– Да, получается так. Но вы не волнуйтесь. Все получится, я уверена, – потерла ладоши Фелиция.

Все встали из-за стола, мужчины попрощались и разошлись. Женщины остались. Фелиция заговорщически огляделась, убедившись, что никто не греет уши, наклонилась поближе к Суле и зашептала.

– По молодости я служила фрейлиной при дворе принцессы Незабудочной. Я тогда чудом спаслась, после того как принцессу обвинили в ереси и измене родине. Вы, наверняка слышала эту историю. Так ведь?

– Да-да, конечно, – закивала головой Сула. Она на самом деле кое-что знала. Тогдашний посыльный много чего им рассказал. И о принцессе Незабудочной в том числе. И о фрейлинах ее, всех поймали, кроме одной... Эриды! Сула, как и большинство женщин была больше любопытной, нежели пугливой. У них никогда ничего интересного в деревне не происходило. Сплетни разные ходили, но обычные, бытовые. А тут, с приходом этих чужеземцев, как-то веселее стало. И вот сейчас, на ее глазах происходит нечто Такое, что голова шла кругом. Сула не могла понять своих чувств: некий восторг и ликование. Всегда бодрая и веселая, она словно полная чаша переполнилась энергией. Ей хотелось делать еще больше, говорить еще больше, казалось, что и отдых более не нужен. Это было возвращение молодости. Стало все равно,

что скажет Эрида, она понимала, что речь пойдет о запретных вещах, а это не могло не интриговать и не затрагивать давно забытые чувства страха, опасности и интереса.

—Так вот, то, что я скажу — очень страшная тайна, за нее многие сложили головы на плахи. Но другого способа не знаю. Как вы, наверно, слышали, принцесса страсть как любила приключения и тайны. И практически каждую ночь одна из фрейлин пробиралась в запрещенную библиотеку. Принцессу уже тогда волновало: почему существует библиотека, в которой никому читать нельзя. Но библиотека внаи была посещаемая. Не было там многовековой пыли, пауков и скелетов, как мы ожидали, когда шли впервые. Очень чистое огромное помещение. Книги в отличном состоянии. Чего мы там только не видели! Наверняка, перечитать все и жизни не хватило бы, но кое-что успели. Одна из первых книг, навсегда полюбившейся нам, была «книга по забавному колдовству».

Сула испуганно ойкнула, но тут же взяла себя в руки, огляделась по сторонам, и придвинула стул еще ближе к Фелиции.

—Да. В этой книге нашлось много смешных заклинаний. Вернее, заклинания были просто, ну странными словами, действиями, а вот последствия... Одно из них принцесса несколько раз даже опробовала на назойливых ухажерах. Суть заключалась в следующем. Неудобного кавалера опаживали специальным зельем, сваренным той, которую потом

должен был видеть навязчивый жених. Потом к нему приходила девушка в одежде принцессы. И кавалер, с полной уверенностью, что это и есть принцесса, начинал свои ухаживания. Однажды дело дошло до приставаний, и в этот момент парочку застал отец неудачно влюбленного. На следующий день сыграли свадьбу, дабы не порочить честь ни сына, не девицы. А ухажёр, бедный, так и не понял, что произошло. Правда, пить потом вообще перестал.

Фелиция хотела было переключиться на дело, да и время она еще не замедлила, но заметив в глазах Сулы живой ненасытный интерес к дворовым проделкам, решила порадовать любопытную женщину.

—А еще, это вообще, был случай. Принцесса, уже закончив зелье, предстала перед своим очередным, но сильно докучавшим ей, влюбленным в одежде лакея. Мужчины! Ну, принцесса на то и принцесса, чтоб чудить. Парень рассыпался в похвалах и фальши, как принцессе идет любой наряд, и какая она умница и необычная, а не глупая и взбалмошная девчонка, как по правде говоря, должно было казаться. Принцесса самолично напоила ухажера «чаем» и убежала, пообещав вернуться через минутку, готовая к долгим признаниям и хвале себе любимой. Ну и наобещала, бедняге, всякого. А сама позвала лакея, сказав, что молодому человеку нехорошо.

Что было, когда несчастный кавалер хватал за ноги озадаченного, ничего не понимающего лакея, и страстно призна-

вался в любви, восхвалял красоту, мудрость и благодетель принцессы. Да еще позволил поцеловать еле живого слугу в лысину! Мы еле на ногах устояли. Принцесса тоже, но она еще бегала и кричала: Врача! Врача!

Скандал был жуткий. Юношу признали больным и отправили в лечебницу для особых случаев. Что с ним стало дальше, я не знаю. У принцессы начались вскоре неприятности, и нам стало не до развлечений.

– Дааа, – только и сумела сказать Сула. – Какая интересная жизнь у тебя была...

– Да, всего-то полтора года. Я при дворе с тринадцати до четырнадцати с половиной пробыла. Потом бежала-бежала-бежала. После дворца по канавам пряталась. Голодала. Попрошайничала. Работала на самых черных работах. А потом пришла в деревню, где мужа своего встретила, нищая, худая, страшная. И попросилась в один из домов работать. Люди хорошие попались. Я сразу его заприметила, но у него уже и свадьба на носу была. Да вот жизнь такая странная вещь. Подхватила невеста его пакость какую-то, да и померла за два дня до замужества. А я к тому времени уже пришла в себя, отъелась, одежду новую заработала. Ну и обратил он на меня внимание. Так и сошлись.

– Каждому свое... А брат твой? А родители?

– Это вообще печальная история, – вздохнула волшебница, сочиняя на ходу, откуда ж брат взялся. – Они жили в небольшом селении неподалеку от дворца. Я, как сбежала,

разумеется, к ним не пошла, чтобы от них беду отвести. Обвинялись ведь только фрейлины, а родных, конечно, допрашивали, но особо не усердствовали. Я долго ничего не знала ни о семье, ни о братьях и сестрах, несколько нас было. И мужу своему ни сразу решилась рассказать, когда второго понесла, тогда все как на духу выдала. Но он сразу, как узнал, заругал меня, что столько молчала. И сам отправился в ту местность, походил, посмотрел, порасспросил. Родители к тому времени померли уже, хворь очередная унесла жизни многих. Несколько братьев и сестер ушли вслед за ними. Другие бежали. А Эг был младший, остался. Как-то пережил. Муж мой нашел его и к нам привез. Так мы и стали все вместе жить, там и Эг уже женился. Ну, а дальше вы знаете.

—Ох и доля тебе выпала, — ахнула хозяйка, — и тут неизвестно, как сложится. Надо же. А я всю жизнь живу тут, и мира не видела, и не слышала ничего такого, как у государя в закромах. Из отчего дома в дом мужа и всю жизнь в заботах, радостях о детях, помощи мужу и близким. И бед никаких не знала. Ну, разве что родителей похоронила. Но так это, естественный ход вещей. Чего это я! — спохватилась Сула. — Что надо?

—Надо чтоб Муна зелье сварила.

—А как нам это поможет, если он кого-то за нее примет?

—Ни кого-то, а мужчину. Я ж, как поняла, хмырь этот любит приложиться к спиртному?

—Еще и как!

—Придет разбираться, а мы все головы опустим и выйдем. Дело личное, пусть сами выясняют отношения. А наш — подменыш прижмет этого как следует и развода потребует. Скажет, что если не даст, то колотить постоянно будет, пока душу не выбьет. Тот с перепоя и перепугу все, что хочешь подпишет. Ты только представь, баба на сносях мужа избивала. Кто ж поверит. И дело сделано.

Сула, представив себе предстоящее, хохотала от души. А когда успокоилась, сообразила.

—Но как нам Муну то зелье уговорить сварить? И что нужно для зелья? Я ничего эдакого не имею... И кто подменной будет. Да и... Что ж, она с ребенком на руках останется. За него-то после развода никто не пойдет, но и на ней точку поставить можно. Домой отец ее не примет. Я говорила, не жалуется он дочерей, а в таком положении, так вообще и на порог не пустит.

—А убьет — лучше?

—Тяжело-то как, — заныла хозяйка. — Да делать-то и, правда, нечего. Говори.

—Для зелья ничего особого не нужно. Травы да коренья, какие везде сыщутся. Муну нужно звать сейчас. Под любым предлогом. Не знаю, чего такого выдумать... Что зелье она варить будет — ей знать тоже не нужно. Просто скажу, что и как, и все. Брат мой будет вместо нее. Он крепкий, и переодеться не заартачится. Да и не обязательно в женское. Я Муну тогда с тобой видела, ну вся в сером, старом, поно-

шенном. В это Эга и вырядим. И объяснять ему ничего не придется, он знает, что ерунду я никакой не затею, а если нужно, то для пользы.

–Хорошо. Но как среди ночи вызывать-то...

–Не знаю. Да еще и беременную. Должно быть что-то очень веское. Ну, или казаться таковым. Прямо вопрос жизни и смерти...

–Знаю! – радостно подскочила Сула. – Мы ее булки позове-
м печь.

–Какие булки? – не поняла Фелиция.

–Ну, твой брат же сказал, что женится на той, кто булки такие испечет. У меня дочь, Лина, без пары. Мы можем ее заслать, попросить помочь.

–Ну, так-то к обеду ж...

–Нууу, а она скажет, что переживает, что обойдет ее кто. Хочет на завтрак поставить, чтоб все сразу на свои места встало.

–А что, это мысль. А согласится ли Лина?

–Еще как согласится, она на брата твоего запала. Может, и у них сложится за всей этой кутерьмой. Все, побежала я к Лине. Ты пока на кухне посмотри, что тебе нужно для .., ну ты поняла. У меня все подписано. Девчат много, с детства к порядку приучаю: чтоб все по своим местам. Чего не найдешь, будем думать.

Хозяйка убежала. Фелиция наконец-то осталась одна. Она посмотрела в окно на небо, там светил тонкий безликий ме-

сяц и две крошечные луны. Легкая белая тучка расплылась на четверть неба. как лебяжье перышко. Было красиво. Тихо. Иногда заводил свою ночную песнь сверчок, ему отвечали цикады. Где-то в лесу пела ночная птица, а потом все снова стихало. Хорошая ночь. Тут, наверно, все ночи хороши. Главное – успеть это увидеть. Но эта был не тот случай, когда можно долго любоваться красотой. Слишком многое поставлено на карту.

Фелиция напряглась, мысленно потянулась к истокам времени. Нельзя просто так взять и остановить Зурван. Это почувствует каждый, кто хоть как-то знаком с магией. А таких умельцев, не смотря на времена и законы, Фелиция была уверена – ох как много. Нужно было действовать тонко. Солнца должны встать одинаково для всего мира. Но немного растянуть ночь, укрыв местность плотными тучами, это можно. А после сильного ливня заблестят уже давно вставшие светила. Пусть потом удивляются, как так случилось. Мало ли чудес в мире!

Фелиция мысленно зачерпнула ночной материи под лапами мощного Дракона и аккуратно расстелила ее над деревней, чуть ли не над самыми крышами. И стала зевать. Когда ночная материя так близко – неумолимо клонит ко сну даже самых стойких волшебников. Поэтому Фелиция быстренько приподняла ночное «одеяло» над домом, который их приютил, и домом Муны, а то не добудятся хозяев. И над сыновьями, само собой. Им сейчас тоже не до сна должно быть.

Женщина поднялась и пошла осматривать полки, первым делом намереваясь сварить бодрящий напиток.

У Сулы было все и даже больше. «Из нее вышла б прекрасная травница», – подумала Фелиция. Выбор приправ, сушеных листиков, цветочков, грибочков, веточек и прочего добра просто порашил воображение волшебницы. Некоторые корешки даже вызвали интерес, не приходилось с ними сталкиваться. А вот что тут делала сушенная Чумачка Черная не на шутку заинтересовало женщину.

Вскоре пришли Сула и Лина. Фелиция дала им выпить на дорожку своего особого чая, который пришелся по вкусу хозяйке и дочке. Сула шепнула, что все отлично. Волшебница налила им чаю в дорогу, чтоб не уснули, и предложила угостить Муну, если та начнет отказываться.

– Мне всегда казалось, что он как-то особенно бодрит, – только и молвила она им на дорожку, и женщины скрылись за дверью в темноте ночи.

Оставалось только ждать и разложить все ингредиенты в нужном порядке. В том, что Муна не откажет, Фелиция не сомневалась. Чтоб девушка из простой семьи и отказалась помочь дочери старосты, да еще и в любовном деле, еще и подружке. Не, такого не бывает. «Хотя, когда все закончится, может выйти не очень хорошо со всеми этими «любовными делами»», – задумалась волшебница. Но тут же отмахнулась от ненужных сейчас рассуждений. Все решится в свое время.

Глава 4. Военно- историческая кафедра

–Зачем тебе в город?

–Хочу невесту выбрать.

–Так, с лету?

–А чего тянуть-то. Сейчас примем присягу, а потом неизвестно куда отправят. И согласишься, всегда приятно возвращаться, где тебя ждут. Ждут с радостью и волнением, горячим ужином и теплой постелью.

–Ничего себе! Как-то я за тобой не замечал такого раньше, а ты у нас и романтик и стратег. Два в одном!

–А что делать. Жизнь научила. Ну.., и отец всегда так говорил. Семья – опора на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.